

АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ УЧИТЕЛЕЙ

*История, только инструмент,
с помощью которого обретает
надлежащий статус весь
корпус документов, описывающих
то или иное сообщество.*

М.Фуко

**ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ:
МАРКЕРЫ ПАМЯТИ
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОШЛОГО НАРОДОВ**

Материалы научно-практического семинара
учителей истории Республики Адыгея
25 марта 2011г.

Майкоп
2011

УДК 94(47)(082)
ББК 63.3(2)
П35

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Адыгейского государственного университета

Издание осуществлено при поддержке
Министерства образования и науки Российской Федерации
(фундаментальное исследование 1.1.03)

**Письменные источники: маркеры памяти исторического
прошлого народов.** Материалы научно-практического семина-
ра учителей истории Республики Адыгея, 25 марта 2011 г. /
Ред. Э.А. Шеуджен. Отв. за вып. Н.А. Почешхов. — Майкоп:
Изд-во АГУ, 2011. — 72 с.

ПРОГРАММА НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА

Письменные источники: маркеры памяти исторического прошлого народов

Первое заседание (с 10. 00 до 12.30)

Проблемы, выносимые на обсуждение:

- развитие исторической мысли и эволюция источниковой базы;
- исторические факты и репрезентация прошлого;
- источники — «следы» прошлого?
- исторические свидетельства и проблема «конструирования» памяти;
- память и культурное наследие: концепция «национального культурного достояния».

Дискуссия

Выступления (до 10 мин.)

Второе заседание (с 13. 00 до 15 00)

Мастер-класс: *«Исторические источники на уроке истории в школе»*

Выступления (до 5 мин.)

Презентация

сборников документов, подготовленных в рамках проекта «Историческая память народов Северного Кавказа». Руководитель проекта доктор исторических наук, профессор Э.А.Шеуджен.

Рекомендованная литература

- Арнаутова Ю.Е.* От мемуаров к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории. 2003. — М., 2003. — С.170—198
- Артог Ф.* Время и история. «Как писать историю Франции?» // Анналы на рубеже веков: Антология. — М., 2002. — С.147-168.
- Ассман, Ян.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М., 2004. — 368 с.
- Бобкова М.С.* Память о событии и история в эпоху позднего средневековья // Историки в поиске новых смыслов: Сб. ст. — Казань, 2003. — С.265—273
- Вен, Поль.* Как пишут историю: Опыт эпистемологии. — М., 2003. — 391 с.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. *Л.П. Репиной.* — М., 2006. — 768.
- История через личность: историческая биография сегодня/ Ред. *Л.П.Репина.* — М.,2005. — 715 с.
- Йейтс Ф.* Искусство памяти. — СПб., 1997 — 479 с.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна. — СПб., 2004. — 622 с.
- Память детства эпохи рационализма и Просвещения. — М., 2001. — 168 с
- Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. — 2004. — №5. — С.39-51
- Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). — М., 2003. — 44 с.
- Рикёр П.* Память, история, забвение. — М., 2004. — 728 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. — М., 1997. — 796 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. — М., 2005. — 51 с.
- Франция — память / *Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюижез и Мишель Винок.* — СПб., 1999. — 325 с.
- Хальбвакс М.* Социальные классы и морфология. — М.; СПб.,2000. —506 с.
- Хаттон П.Х.* История как искусство памяти. — СПб., 2003. — 423 с.
- Шеуджен Э А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. — М.; Майкоп, 2010. — 280 с.
- Интернет ресурс: www.shpl.ru/shpage.php?menu=127615КБ

КРУГЛЫЙ СТОЛ: ТЕКСТЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Н.А. Почешхов
декан исторического факультета,
доктор исторических наук, профессор

Дорогие друзья! Проведение научно-практических семинаров стало традиционным на нашем факультете и каждый раз с благодарностью воспринимаешь интерес учителей истории к предлагаемой тематике. В наше время, когда в стране происходят кардинальные изменения в системе школьного образования, да и, в не меньшей степени, в историческом знании, особый смысл приобретают наши встречи, нацеленные на свободный обмен научно-теоретическими знаниями и опытом практической работы.

Сегодня нам предстоит обсудить одну из базовых проблем исторического познания: место и значение исторических источников. Как хорошо известно, специфической особенностью исторической науки является то, что историк, как правило, непосредственно не «встречается» с предметом своего изучения, а стремится проникнуть в человеческое сообщество прошлого, используя исторические источники, особенно письменные, наиболее полно фиксирующие события прошедших эпох. От достоверности фактов, содержащихся в источнике, зависит восприятие и объяснение исторической действительности, возможность проникновения в сущность исторического процесса. Исторический источник становится для историка каналом информации о прошлом, позволяющем получить необходимые данные, фактический материал, составляющий основу традиционного исторического исследования.

Это базовое положение начало осмысливаться уже на начальных этапах развития исторического знания. «Изыскания были трудны, — писал Фукидид, — потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той и другой из воюющих сторон или основываясь на своей памяти. Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем...»¹

Конечно, за время развития исторического знания отношение историков к источникам претерпевало значительные изменения. В стремлении к объективности академическая наука XIX века пришла к утверждению, что задача историка — собирание, отбор и критика фактов, исходя из убеждения, что источник представляет собой «окно, открытое в прошлое»². В наши дни представители модернистских и постмодернистских направлений фактически отрицают значимость традиционных исторических источников. Процесс разрушения, так называемого «архивного фетишизма», доведен до критической точки. Дело доходит до отрицания возможности, более того, необходимости, анализа исторических текстов с целью получения фактов для реконструкции прошлого.

В настоящее время все явственней проявляются позитивные процессы в историческом знании, осмысливается новый статус источниковедения в системе исторических наук. Стремление углубить наше понимание прошлого сформировало новую точку зрения на исторический источник, новые приемы их анализа, позволяющие освоить такие аспекты жизни прошлого, которые ранее не интересовали историческую науку.

Все более усложняется проблема взаимодействия историка и изучаемых им источников. Теперь историки не довольствуются той информацией, которую непосредственно «содержит» источник. Уже недостаточно провести

¹ Фукидид. История. Т.1. — М. 1915. — С.16.

² Гуревич А. Я. Загадка Школы «Анналов» // Мировое древо. Вып. 2. — М., 1993. — С.174.

внешнюю критику источника, установить его подлинность, необходимо «вписать» его в общий исторический контекст, более того, выявить многие глубинные обстоятельства, вплоть до образа мыслей, присущих автору и его времени. При этом, важно обнаружить неточности и ошибки, допускаемые авторами исторических сочинений при толковании исторических источников. Понятно, что это возможно только при хорошем знании источников, приемов и методов их критического анализа.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что интенсивность «исторического интереса» особенно возрастает в переломные периоды развития исторического знания, отражая стремление историков «пересмотреть» сложившиеся представления в сторону их углубления за счет привлечения новых источников или нового прочтения уже известных. При этом нередко происходит полное или частичное отрицание накопленного исторического опыта. Эти и многие другие проблемы, о которых сегодня, несомненно, будут говорить участники семинара, свидетельствуют о главном — о стремлении профессионального сообщества историков нашей республики обратиться к одному из актуальных вопросов: в чем смысл и назначение исторических источников?

А.В. Шаханова
проректор Адыгейского государственного университета
по научной работе, доктор биологических наук,
профессор

Уважаемые коллеги! Ежегодно у вас есть уникальная возможность участвовать в теоретико-методологических семинарах и мастер-классах, проводимых на историческом факультете под научным руководством Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора, доктора исторических наук Эмилии Аюбовны Шеуджен. Эмилия Аюбовна является руководителем Научной школы в области историографии и методологии истории, общепризнанной в российском образовательном сообществе и имеющей на уровне Министерства образования и науки Российской Федерации официальный статус ведущего научного коллектива среди

вузов России. В последние годы в рамках проекта «Историческая память народов Северного Кавказа» подготовлены и опубликованы заслуживающие внимания сборники извлечений из периодических изданий XIX века, ставших в наши дни библиографической редкостью. Вне всякого сомнения, введение в научный оборот документов сборников будет способствовать расширению пространства исторической памяти. В программу работы семинара входит их презентация.

История удивительная наука — как никакая другая она позволяет ощутить неразрывную связь между людьми прошлого и всеми нами, связать единой идеей преемственности тысячи событий, рассеянных во времени и пространстве. В этом плане весьма актуальным представляется «круглый стол», обозначенный в программе сегодняшнего теоретико-методологического семинара учителей истории Республики Адыгея — «Письменные источники: маркеры памяти исторического прошлого народов». За тысячелетия существования «исторического интереса» к прошлому накоплены огромные массивы исторических источников. Это не только наше интеллектуальное наследие, но и долг перед прошлым, связанный с его сохранением и закреплением в коллективной и индивидуальной памяти. Для успешного решения этих непростых задач важно знать теоретико-методологические основы источниковедения, современные технологии и механизмы обобщения и толкования исторического материала, классификации и структурирования источников.

В науке нет «царского» привилегированного пути. Так и историческое прошлое представляет особый, весьма изменчивый объект изучения. Буквально на глазах меняются теоретические подходы, предметные границы исторических исследований, методология, вводимые в научный оборот источники, ценностные позиции, социальная значимость истории и, в конце концов, сам историк. Вот почему так важна для историков работа в архивах, создание источниковедческой базы, использование адекватных методов ее анализа и интерпретации, системного и объективного подхода к пониманию тех или иных исторических процессов и событий.

При этом важно учитывать, что основополагающим принципом любой науки, особенно истории, является, прежде всего, обращение к фактам. И.П. Павлову принадлежит

облетевшая весь мир крылатая фраза: «Факты — воздух ученого». В свое время А.Дюма, один из блестящих авторов исторических романов, образно и точно заметил, что факты — это гвоздь, который вбивает автор в стену, и чем больше фактов, тем глубже вбит гвоздь и тем меньше красивых картинок с нереальными событиями автор может на него повесить.

Историк всегда должен осознавать, что историческая наука и нравственность едины в своем уважении к правде. Французскому философу Р.Декарту принадлежит заслуживающее внимания высказывание, что в поисках истины ученый должен рассмотреть тысячи различных вещей для того, чтобы с их помощью выразить истину. В этом смысле от историка требуется объективность, разумная очевидность при реконструкции прошлого. Для этого нужно не только владеть документальным материалом, но и быть подлинно просвещенным человеком, движимым к истине, иметь гражданскую смелость, не бояться «обидеть власть», не «создавать идолов», соблюдать свод научных и нравственных правил. Более того, не считать постыдным для себя отказаться от заблуждений, что далеко не всегда бывает просто и болезненно для самолюбия. В области исторического знания нет ничего нравственнее правды. Вы, учителя истории, выбрали нелегкий путь — путь служения факту и правде. Успехов вам на этом пути!

Э.А. Шеуджен **доктор исторических наук,** **профессор кафедры отечественной истории**

На обсуждение выносятся тема лежащая как минимум в двух плоскостях, вернее, в сфере их пересечения, взаимодействия — исторический источник и историческая память. Если первая из этих проблем находится в плоскости традиционного интереса историков, то вторая, стала «модной» в российской историографии в последние десятилетия. Интерес к этим проблемам, приобретающий все более выраженный характер, обусловлен, прежде всего, влиянием концептуальных построений «новой истории», их постмодернистской

критикой и, в целом, интенсивным развитием интеллектуальной истории.

Сегодня проблемы, как источниковедения, так и памяти, приобретают междисциплинарный характер: к ним обращаются философы, психологи, историки, социологи, лингвисты, стремясь не только определить предметные границы своего научного интереса, но и области взаимопроникновения. Более того, все явственней проявляется явление «приватизации прошлого». Так, в историографии, как пишет Франклин Анкерсмит в своей наиболее читаемой профессиональным сообществом историков работе — «Возвышенный исторический опыт», все чаще термин «память», используется там, где раньше предпочитали говорить «история», что, несомненно, свидетельствует о принципиально значимом «сдвиге», произошедшем в природе исторического сознания¹.

Немного о смысле понятий вошедших в тему, вынесенную на обсуждение. Важнейшим показателем развития научного знания является состояние понятийного аппарата. Понятия возникают как результат мыслительной деятельности, направленной на обобщение представлений о предметах или явлениях для которых характерны определенные общие признаки. При этом может учитываться и совокупность специфических признаков, связанных с особенностями развития различных наук.

Прежде всего, *исторические источники* — это весь комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы о причинах или последствиях, повлекших за собой те или иные исторические события. Историческими источниками, как известно, занимается специальная наука — *источниковедение*, исследующая источники целенаправленно и осознанно, как объективный результат деятельности человека, как продукт культуры определенной эпохи с

¹ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — М., 2007. — С.23–25

типологическими и видовыми свойствами. В исследованиях по методологии истории существует разграничение исторических письменных источников на документы, дошедшие до нас в первоизданном виде (первоисточники) или в изложении историков (второй вариант прямым образом связан с историографией).

Учитывая сложившуюся историографическую ситуацию, динамичность теоретических подходов и имеющийся опыт мнемонических интерпретаций в исторических исследованиях, имеет смысл подчеркнуть, что дефиниция «*историческая память*» по-разному интерпретируется современными авторами: как *индивидуальная память* о прошлом, как *коллективная память* о прошлом, как *социальная память* о прошлом и даже как синоним *исторического сознания*. В специальных исследованиях можно встретить и такие близкие понятия как «культурно-историческая память», «социально-историческая память», «коллективная память поколений». В этом смысле интересно введенное Мишелем Фуко понятие «*контрпамяти*», то есть отрицание способности коллективной памяти связывать друг с другом смысл различных исторических эпох.

Подобное состояние «рыхлости» понятийных оснований не является чем-то необычным. Как правило, это явление проявляется на начальных стадиях разработки новых исследовательских направлений, когда еще не сложились достаточно четкие представления о предмете и проблемных границах изучаемого объекта, что неизбежно проявляется в динамичном состоянии введенных в научный оборот понятий. *И еще одно* — в тему вошел такой термин как *маркёр* (франц. *marqueur*, от *marquer* — отмечать). Если исключить его технический и «биллиардный» смысл, то речь идет о *разметке, направляющей движение, развитие, в нашем случае, исторической памяти народов*.

В наиболее обобщенном виде *историческая память* представляет определенным образом сфокусированное отношение в обществе к историческим событиям, потребность и способность хранить информацию о прошлом в тесной связи с осознанием настоящего и предвидением будущего. В целом, историческая память представляется как своеобразный «перекресток» прошлого, настоящего и будущего. По

сути дела она отражает уровень организации сохранения и воспроизведения прошлого опыта народа для его многократного введения в сферу общественного сознания и поведения. Являясь основой, определяющей уровень коллективного и индивидуального сознания, именно память обуславливает отношение людей к исторической действительности как на теоретическом уровне, так и уровне обычного сознания.

Сложившийся спектр исследований по проблемам исторической памяти очень широк: созданы оригинальные исследования, как общего, так и специального характера, позволяющие расширить теоретические представления об этом феномене общественного сознания, его структуре, функциях, основных тенденциях развития, эволюции. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что историография является сферой памяти, а в свою очередь память служит «краеугольным камнем» познания и самопознания. В этом плане особый смысл приобретают труды выдающихся европейских и российских историков, ставших «моделями возможных исторических репрезентации», позволяющих судить об их отношении к памяти о прошлом, возможностях влияния на историческое сознание².

Все что имеется в распоряжении историка «здесь и сейчас», это документальные *следы*, которые оставило нам прошлое. Осмысленная деятельность историка заключается в разработке на их основе наиболее правдоподобной гипотезы о том, каким могло быть реальное прошлое. При этом ни одна из выдвинутых историком гипотез не поддается проверке путем сопоставления с несуществующим прошлым как *таковым*. «Важнейший вывод здесь, — подчеркивает Ф. Анкерсмит, — состоит в том, что единственным критерием для оценки достоинств исторических трудов является их правдоподобие»³.

Источники содержат исторические факты: к первому виду относятся «чистые» факты, пребывающие вне субъективных оценок и суждений историка; факты второго вида

² Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург, 2002. — С.23.

³ Анкерсмит Ф. Указ. соч. — С. 171.

проходят через аналитическое осмысление, модифицируются под влиянием мыслей, настроений историка и идей, существующих в конкретном пространстве-времени. Исходя из этого, факты рассматриваются в двух ракурсах: во-первых, как явление, имевшее место в истории и, во-вторых, как его отражение в исторической науке.

За время развития исторического знания накопилась огромная масса источников: различных по типу, объему, проблематике, содержанию, стилистике. И, тем не менее, до настоящего времени радикально отличаются представления о том как пишется, из чего должно состоять историческое сочинение, к какому идеалу следует стремиться? Уже несколько столетий на эти, казалось бы, простые вопросы, пытаются ответить историки и философы различных научных школ и направлений.

Речь идет об источниковой основе, аргументированности объяснений, манере высказываться, использовании цитат, применении метафор и многом другом. В зарубежной историографии (немецкой, голландской и др.), как правило, подчеркивается различие между «историческим исследованием» и «написанием истории». В первом случае речь идет о стремлении историка установить исторические события с максимальной точностью. В этом смысле, используя знаменитый образ Робина Коллингвуда, его можно сравнить с детективом, пытающимся понять, что в действительности произошло⁴.

Под влиянием изысканий в современной философии истории значительно расширились традиционные представления о природе исторического исследования и механизме написания исторических работ. Нельзя не признать, что значительная часть историков занимается исключительно историческими исследованиями. Десятилетиями они ведут трудоемкие изыскания по «прочтению» уникальных исторических источников. Путем логических операций устанавливают «выпадающие» из истории события, по фрагментам «остатков» возрождают загадочный мир прошлого.

⁴ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1980. — С. 253–256.

В связи с проблемой исторической памяти стоит вопрос о наиболее «запоминающейся» форме репрезентации прошлого. Результаты проведенной сложнейшей исследовательской работы могут быть изложены на нескольких страницах, в кратком отчете, весьма отдаленно напоминающем историческое сочинение и вызывающем интерес лишь узкого круга специалистов или в экстравагантной статье, такой как публикация Томаса Нагеля «Каково быть летучей мышью?, в которой был поставлен вопрос: можем ли мы хоть как-то представить как «чувствует себя изнутри сама летучая мышь»? «По сравнению с этой трудностью сущим пустяком выглядит реконструкция исторического опыта различных поколений людей»⁵.

В настоящее время, в рамках «новой новой истории» особое значение придается нарративным источникам, тексту, языку. Упрочиваются позиции такого научного направления как семиология (семиотика), исследующего способы передачи информации, свойства знаковых систем в языках, религиозную и мифическую символику. Постмодернистская эпистемологическая революция поставила историческую науку перед проблемой «языка» исторической науки. В моду стали входить новые спорные термины и понятия, «открепившиеся от якорей», заимствованные из естественных наук⁶.

Появилось ощущение, что в историческую науку пришли носители нового языка, многим просто непонятного. Историографы заговорили о жаргоне постмодернистов, как дымовой завесе, скрывающей отсутствие понимания содержания. Естественно, что это явление стало не только предметом анализа теоретиков истории, но и заметно осложнило понимание широко используемых понятий («демократия», «культура», «цивилизация» и т.п.). Нечеткость категориального инструментария, «обиходное» обращение с понятиями и терминами, наглядно свидетельствует об имеющихся «пробелах» в понимании некоторыми авторами предмета исследования. Так, один из известных современных французских историков Р.Фоссье обращаясь к этому вопросу, с сожалением отмечал, что даже такие базовые термины как «культура» и «общество» «не имеют ни

⁵ Анкерсмит Ф. Указ. соч. — С. 113-114.

⁶ Там же. С.93.

содержания, ни даже точного смысла, что позволяет вульгаризовать их применение»⁷.

По мере развития исторического знания происходит постепенное *преодоление разрыва* между «живой» памятью и историей. Причем этот разрыв реконструируется в ситуации ретроспекции тогда, когда появляется возможность связывать события прошлой жизни с сегодняшней действительностью. Как всякое развивающееся направление научного знания проблема исторической памяти не может не испытывать влияния противоречивых тенденций. С одной стороны, все больше специалистов разных национальных школ и научных направлений обращаются к этой теме. С другой — остро осознается прагматический смысл исторической памяти, способной влиять на коллективное сознание. Известный французский историк Марк Ферро обращал внимание на то обстоятельство, что даже в курсах истории, ориентированных на обучение молодежи, одни и те же исторические факты в разных странах трактуются в зависимости от национальных интересов, оказываются «в плену» у идеологии⁸. Становится понятно, что апелляция к отдаленному прошлому, самобытному историческому пути народов позволяет решать не только исследовательские задачи, но и манипулировать коллективным сознанием, ссылаться на особенности «национального духа», «национальной ментальности».

Есть и другая важная составляющая — причастность власти к процессу историописания стала одним из выраженных способов влияния на историческое знание и сознание. Так или иначе, историки участвуют в формировании коллективной исторической памяти, включаются в альянс «власти и истории», определяя объем «памяти» и «забвения», порождая явление «культивируемой памяти». В этом смысле они являются ответственными за «отбор» и «толкование» свидетельств, достойных быть увековеченными в массовом сознании. «Глубина и форма нашей коллективной памяти, — как подчеркивал Патрик Хаттон, — отражают

⁷ Фоссье Р. Люди средневековья. — СПб., 2010. — С.282.

⁸ См.: Ферро М. Как рассказывают историю в разных странах мира. — М., 1992.

конфигурацию социальных сил, соперничающих за наше внимание»⁹.

При этом в должной степени не учитывается, что интерпретация прошлого всегда несет с собой определенный риск, впрочем, как и интерпретация настоящего. Как минимум, необходимо осознание того, что нашу эпоху и все предшествующие разделяет пропасть. Причем речь идет не только о материальных условиях жизни, еще более важны различия в ментальной сфере. Перед историками со всей остротой встает непростой вопрос: возможно ли сочетать национализм (патриотизм) с научным требованием объективности?

При провозглашаемой приверженности принципу объективности, следование ему на практике, отнюдь, не простое дело. Сегодня, когда совершенствуются технологии идеологического манипулирования, а многое в истории пересматривается во имя «объективности», приходит понимание того, как непросто бывает абстрагироваться от идеологии, затрагивающей насущные национальные интересы, сохранить объективность. Фернанд Бродель, работая над трудом, посвященным вопросу идентичности французов, задал простой и в то же время сложный вопрос: «Что такое Франция?». Отвечая на него, Пьер Нора лаконично заметил: «Франция — это память»¹⁰. Бесспорно, он прав: именно благодаря «воспоминаниям» о прошлом на протяжении длительного времени поддерживается идентичность того или иного сообщества.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что в наши дни появилось огромное количество публикаций на исторические темы для «массового потребления». С одной стороны, они поддерживают интерес к истории, придают ему «массовый» характер, но с другой — порождают мощный пласт мифологизированной истории, открывают простор для конъюнктурных, заказных публикаций. Данные процессы имеют сложный механизм взаимодействия, отражая как реальный историографический опыт, так и «мифотворческий», но как

⁹ Хаттон П. История как искусство памяти. — СПб., 2003. — С.202.

¹⁰ Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. — М., 1994; Нора П. Франция — память. — СПб., 1999.

первый, так и второй, играют определяющую роль в формировании коллективной идентичности народов, порождая явление «культивируемой памяти»¹¹.

Известно, что в любом обществе взгляды профессиональных историков составляют лишь незначительную часть знания о прошлом. Более того, учитывая современный уровень образованности населения, история становится более «открытой». И хотя в сообществе профессиональных историков принято возмущаться поверхностностью популярного исторического знания, нельзя не признать, что некоторыми знаниями о прошлом практически обладает каждый человек, без этого он оказался бы в состоянии манкуртизма.

Фактически до последних десятилетий считалось, что в основе массовых представлений лежат научные знания о прошлом. Однако изучение этой проблемы на материалах стран Европы и США показало, что массовые представления о прошлом принципиально отличаются от профессиональных¹². Эта мысль подтверждается материалами различных «околонаучных» форумов в Интернете. Преодоление подобных явлений не только актуальная научная задача, но и реальная возможность избежать дальнейшей идеологизации массового исторического сознания.

Заставляет задуматься вопрос: что побуждает *вспоминать именно эти события прошлого?* Как правило, актуализация конкретной проблематики связана со значимостью исторического знания и исторического опыта для *современности*, для понимания происходящих в *настоящее* время процессов и определения их возможного влияния на будущее. Глубочайшая трагедия наших отношений с прошлым в том, что мы боимся его потерять как часть себя («эффект ампутации»). Более того, П. Рикёр, обращаясь к образу «примеренной» памяти, утверждал, что проблема памяти была в основном проблемой «верности прошлому», а виновность предстает как «дополнительный компонент» (память

¹¹ XX век: методологические проблемы исторического познания. Сборник обзоров и рефератов. — М., 2001. — С.277.

¹² Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. — М., 2005. — С. 7.

о войнах, Холокосте, Гулаге и тому подобных трагических событиях истории)¹³.

Конечно, историческое прошлое раскрывается для настоящего только тогда, когда настоящее достигает должного уровня развития и возникает не только потребность, но и возможность научного осмысления прошлого. К определяющим факторам могут быть отнесены ускоряющиеся темпы общественного развития, осознание необходимости для принятия новых решений, обращения к историческому опыту. В такое время резко возрастает престиж истории, ее значимость осознается не только узким кругом специалистов, интеллектуальной элитой, но и явственно проявляется в историзме массового сознания.

Неудивительно, что историческая память нередко становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и трагедий. «Переписывание» истории, поспешная переоценка прошлого, свержение кумиров, ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти, создают труднопреодолимые пропасти в восприятии прошлого. Тем не менее, историческая память, несмотря на определенную неполноту, обладает удивительной способностью сохранять интеллектуальную и моральную власть над настоящим.

Изучение и сохранение исторической памяти одна из сложнейших интеллектуальных проблем. Именно в памяти происходит закрепление, удержание не только загадочного прошлого, ускользающего настоящего, но и предвидение будущего. Человек обладает способностью, а главное, потребностью вспоминать прошлое. При этом нельзя не учитывать, что память как индивидуальная, так и коллективная, обогащаясь знаниями, отражающими историческое прошлое народов, приобретает конфигурацию социально значимой, исторической памяти. Надеюсь, что изложенные положения намечают общую направленность обсуждения обозначенной проблемы.

¹³ Рикёр П. Память, история, забвение. — М., 2004. — С.402.

Булгаков С.Ю.

**старший методист, зав. кабинетом
общественных дисциплин Адыгейского
республиканского института повышения
квалификации учителей**

Думаю, что обсуждение вопросов связанных с проблемами источниковедения имеет для учителей не только теоретическое, но и важное практическое значение. Современное обучение школьников истории и обществознанию предполагает в качестве неотъемлемой составной части выработку у обучающихся навыков работы с документами, включая освоение элементов источниковедческого анализа. Невозможно представить полноценную работу учителя общественных дисциплин без использования в образовательном процессе разнообразных исторических источников.

Но, к сожалению, учителя далеко не всегда уделяют внимание этому направлению работы. Причинами такой ситуации, сложившейся в историко-обществоведческом образовании за последние 20 лет, на мой взгляд, является, прежде всего, — падение престижа педагогического труда вообще и, в частности, труда учителя истории и общественных наук. Если в советской школе историк был главной идеологической фигурой и даже по формальным критериям занимал третью позицию по значимости предметов после учителей русского языка и литературы и учителей математики, то в современных реалиях деидеологизации образования история и общественные науки переместились на более низкие позиции в рейтинге значимости предметов, уступив место иностранному языку и информатике. (Смотри базисный учебный план, утвержденный приказом МОИН РФ). Такая ситуация, осложненная крайне низкой оплатой труда учителя, привела к падению уровня преподавания.

Негативное влияние на состояние исторического и обществоведческого знания учащихся оказал переход от линейной к концентрической системе изучения истории, повлекший резкое снижение количества учебного времени, выделяемого на изучение конкретных тем. Зачастую учи-

тель не успевает даже просто объяснить необходимый новый материал, не то что заняться формированием навыков и умений работы с текстом документа (впрочем, как и многих других навыков). Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что уровень подготовленности и общего развития учеников значительно снизился по сравнению с уровнем учащихся 70-80-х гг. XX в. Существует множество причин этого явления, они достаточно подробно изложены в специальной педагогической литературе.

Приведенные в существующих учебниках истории и обществознания отрывки из документов и задания к ним далеко не всегда соответствуют возрастным и индивидуальным особенностям обучающихся, что неизбежно отталкивает и учеников и учителя от подобного рода учебной работы. Причем даже увеличение учебного времени, отводимого на изучение обществознания, не дало на данный момент положительного эффекта, т.к. увеличена была соответственно содержательная часть, причем даже в большей пропорции, чем возросло количество часов на данный предмет.

Далеко не положительным образом на методической подготовке учителей, сказывается уменьшение учебного времени, отводимого в ВУЗах на методику преподавания предмета и ослабление методической работы на местах. Исходя из этих причин и следствий республиканский институт повышения квалификации учителей стремиться строить учебно-методическую работу и принимать активное участие в проводимых на историческом факультете университета научно-практических семинарах и мастер-классах.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в последние два-три года, в связи с введением единого государственного экзамена по истории и обществознанию, где в качестве обязательных заданий предлагаются и задания, связанные с анализом документов, наблюдается постепенное восстановление интереса учителей этих дисциплин к возобновлению работы с источниками, стремление обучить учащихся навыкам работы с историческими и обществоведческими источниками.

Более углубленная источниковедческая подготовка школьников, связанна с написанием ими исследовательских работ, в первую очередь — краеведческого характера. Останемся подробнее на имеющемся опыте, проведения в те-

чение 10 лет краеведческих олимпиад, конкурсов и других мероприятий, связанных с исследовательской деятельностью учащихся. Следует отметить, что работа педагогов в этом направлении построена на привлечении к подобного рода деятельности, в подавляющем большинстве, одаренных, «сильных» детей, имеющих определенные учебные умения и навыки. Конечно, при этом не имеет смысла рассматривать ситуацию, когда учитель сам пишет исследовательскую работу и затем дает ее для механического воспроизведения путем зазубривания и рассказывания «на аудиторию» выступающему ученику.

Как правило, работа учителя сводится к подсказке ученику — где и что можно найти для его исследования, т.е. учитель в подавляющем большинстве случаев определяет круг источников, с которыми будет работать школьник. Такой прием допустим на ранних этапах исследовательской деятельности, но абсолютно неприемлем в тех случаях, когда исследование ведется учеником во второй, третий и, тем более — в четвертый или пятый раз!

Организуя подобную работу, многие учителя забывают о принципе возрастания сложности учебной деятельности и ответственности ученика за выполненное задание при постоянно усиливающейся самостоятельности исследования. Они приучают школьников быть простыми исполнителями воли наставника, отучают их проявлять инициативу, не ставят перед ними задач обнаружения новых тем и проблем для исследовательской работы. Такая постановка учебной деятельности (даже с учетом того, что ученики работают намного больше и продуктивнее остальных своих сверстников), не может быть признана эффективной.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство учеников относится к полученной ими в ходе исследовательской деятельности информации как «к истине в последней инстанции», как к некому абсолютному знанию. Эти неизбежные недостатки начального этапа исследовательской деятельности должны постепенно изживаться под воздействием учителей-наставников. Однако практика показывает, что это в должной мере не происходит: отсутствует систематическая работы педагогов в данном направлении, что в небольшой степени обусловлено невысоким уровнем источник-

ведческой подготовки школьных учителей. Практически во всех исследовательских работах учащихся отсутствует даже мало-мальски простенький анализ приведенных источников, и, тем более, сопоставление, перепроверка их данных.

Обобщение опыта показывает, что большинство учителей истории и обществознания, несмотря на соответствующую теоретическую и практическую подготовку в стенах ВУЗов, не обладают должными знаниями в области внешней и внутренней критики источника, его всестороннего анализа. Более того, часть учителей не имеет четкого представления о том, что такое исторический источник, и каких видов он бывает! В их представлении источник только архивный источник, а точнее — документ делопроизводства или нормативно-правовой акт, на худой конец — статистическая таблица. Явно недостаточно используются устные источники, фотоматериалы, письма из семейных и личных архивов и т.п. материалы. Есть и такие педагоги, которые историческим источником называют монографии, статьи и даже... учебники по истории или другим предметам!!! Подобные «незнания» закрепляют в сознании учеников далеко не научные представления.

В связи с обсуждаемым вопросом хотелось бы предложить ряд мер, направленных на исправление сложившейся ситуации:

— продолжить практику совместных учебно-методических семинаров (исторический факультет университета и кабинет общественных дисциплин института повышения квалификации учителей) с целью развития и углубления навыков источниковедческой работы учителей истории и общественных дисциплин;

— подготовить и издать краткие учебно-методические пособия в помощь учителям, в которых бы в сжатой форме излагались основы источниковедческой работы (тем более что полноценные учебники по данной проблеме являются большой библиографической редкостью).

Хабиева Ж.М.

преподаватель высшей категории общественных дисциплин Майкопского медицинского колледжа

Тема «круглого стола» представляет не только теоретический, но и практический интерес для исследователей и учителей. В своем выступлении хотелось бы рассказать об опыте работы с источниками на уроках общественных дисциплин в Майкопском медицинском колледже. Историк, как уже подчеркивалось, имеет, как правило, дело с прошлым и не может непосредственно наблюдать объект своего изучения. Главным, а в большинстве случаев, единственным источником информации о прошлом для него является исторический памятник, посредством которого он получает конкретные исторические данные, фактический материал, составляющий основу исторического знания.

Обращаясь к проблеме источников важно ознакомить учащихся с существующей типологической классификацией, предполагающей разделение источников на группы¹. Изучение в совокупности всех видов источников позволяет воссоздать достаточно полную и достоверную картину исторического процесса. Обращение к различным историческим документам — одно из важнейших условий выполнения целей образовательного курса истории.

¹ Наиболее многочисленная группа источников — это *письменные источники* (эпиграфические памятники, т.е. древние надписи на камне, металле, керамике и т.д.; граффити — тексты, нацарапанные от руки на стенах зданий, посуде; берестяные грамоты, рукописи на папирусе, пергаменте и бумаге, печатные материалы и др.) *Вещественные памятники* (орудие труда, ремесленные изделия, предметы домашнего обихода, посуда, одежда, украшения, монеты, оружие, остатки жилищ, архитектурные сооружения и т.д.) *Этнографические памятники* — сохраняющиеся до настоящего времени остатки, пережитки древнего быта различных народов. *Фольклорные материалы* — памятники устного народного творчества, т.е. предания, песни, сказки, пословицы, поговорки, анекдоты и т.д. *Лингвистические памятники* — географические названия, личные имена и т.д. *Кинофотодокументы*.

Современный урок невозможно представить без аналитической работы с источниками. Их использование позволяет решить ряд взаимосвязанных задач: сформировать более полные и прочные знания, конкретизировать и углубить их; проиллюстрировать изучаемые вопросы; обеспечить доказательность теоретических положений и идей развивающих мышление учащихся; научить самостоятельно делать правильные выводы и обобщения; сформировать оценочную деятельность учащихся, используя их познавательные возможности.

Работа с историческими документами на уроках ведется с учетом их характера. Документальные тексты, как правило, подразделяются на две основные группы — актового характера и документы повествовательно-описательные. Дополнительную группу составляют памятники художественного слова. Актовые документы (грамоты, указы, законы, приказы, программные речи государственных деятелей и т.п.), имевшие в свое время практическое значение, свидетельствуют об общественном и политическом строе, морали, религии. К повествовательно-описательным документам относят летописи, хроники, мемуары, письма. Особенно хорошо передают колорит изучаемой эпохи памятники художественного слова: мифы, басни, проза, крылатые выражения.

При изучении источников важно соблюдать ряд методических требований: точное определение главного, наиболее существенного в документе; постепенный переход от менее сложного к более сложному; выбор эффективных приёмов и средств обучения; соблюдение преемственности в формировании умений учащихся при работе с источниками. От педагогического мастерства учителя, умения отобрать источники, определить логику их включения в урок, организовать усвоение текста через применение наиболее эффективных методических приёмов, во многом зависит достижение образовательных целей урока.

При отборе текстов следует учитывать, что они должны расширять, конкретизировать знания, но не перегружать их, быть органически связаны с программным материалом, доступны по содержанию и объёму, способствовать развитию приёмов мыслительной и учебной деятельности, позна-

вательных способностей учеников. Исходя из этого, избираются и определенные приёмы изучения документов. Так, документ включается в объяснение учителя в том случае, если он передаёт сущность событий, усиливает эмоциональность в изложении материала, повышает интерес учащихся к предмету.

Например, по дисциплине «Основы философских знаний» в разделе «Философия нового времени» есть тема: «Врачи — философы нового времени», при ее изучении приводится извлечение из записей Петра Симона Палласа (1766), подробно описавшего процедуру оспопрививания у адыгов. «Так как я не встречал никого, отмеченных оспой, я пришел к мысли спросить их, нет ли каких-либо секретов, чтобы гарантировать себя от опустошений, которые этот враг красоты производил среди стольких народов. Они мне ответили утвердительно и сообщили, что это средство заключается в том, чтобы привить ее или передать тем, кого надо этим предохранить, взяв (гной) зараженного и смешав с кровью путем уколов, которые им делали»². Учитывая профессиональную ориентацию учащихся, интерес представляют подробности осуществления этой процедуры, свидетельства о том, что адыги на бытовом уровне освоили то, над чем веками бились блестящие умы Европы.

Документ может выступать не только в качестве иллюстрации и конкретизации мысли, сообщенной учителем, но и как источник приобретения новой информации, как источник самостоятельного приобретения знаний. Организуя самостоятельную работу учащихся с документом, следует учитывать уровень их подготовленности, насколько тексты документов органически связаны с содержанием соответствующих разделов учебника, доступны учащимся и могут быть даны для самостоятельного изучения с предварительной постановкой задания.

Перечень вопросов является общим для всех письменных материалов, но каждый вид обладает присущими только ему свойствами, которые и определяют приемы работы. Каждому виду материала соответствует свой способ анализа

² Цит. по: Казанов Х.К. Культура адыгов. — Нальчик, 1993. — С.183.

его учащимися. Например, к документу государственного характера может быть предложена следующая типология вопросов и заданий. — Когда, где, почему появился этот документ? Опишите исторические условия его создания. — Кто является автором документа? Что вам известно об этом человеке, его жизни и деятельности? — Объясните основные/новые понятия, употребляющиеся в тексте документа. — Интересы, каких слоев, групп, классов общества отражают статьи этого документа или весь он в целом? — Чем отличается этот документ или его отдельные выражения от подобного, существовавшего ранее или аналогичного в других странах? — К каким результатам, изменениям в государстве и правительстве привело или могло привести введение этого документа? — Придумайте конкретную историю, раскрывающую условие этого документа: судебное дело, выслушивание, апелляция и т.п.

Или еще один пример — документы исторического характера: хроники, анналы, исторические сочинения. — Кто автор документа? Каково его социальное положение? Должность и занятие? Причастность к называемым событиям? — Как он относится к этим событиям? Подтвердите свои утверждения текстом источника. — Как вы объясните именно такое отношение автора к событиям? К его участникам? — В чем совпадают или чем отличаются свидетельства этого автора от других источников по данному историческому факту? — Доверяете ли вы свидетельствам автора этого документа? Почему? — Разделяете ли вы суждения, оценки, выводы автора документа?

Работа с историческими источниками предполагает «добывание» фактов, которые не всегда лежат «на поверхности». Из текста их приходится извлекать, осуществляя достаточно сложные мыслительные операции. При обучении этому необходимо учитывать требования поэтапного формирования учебно-познавательных умений. Так, на *воспроизводящем* уровне можно предложить учащимся выписать основные понятия, определения, выводы из источника, ответить на поставленные вопросы, требующие уточнения и пересказа текста; заполнить таблицы, схемы по образцу в ходе коллективного анализа документа; составить простой план по известному учащимся типу.

На *преобразующем* уровне задания могут включать рассказ ученика по документу сопровождающийся анализом текста, синтезом положений источника с теоретическим материалом и идеями других источников; самостоятельный отбор, группировка фактов и включение их в свой рассказ; составление развёрнутого плана, тезисов, конспекта, тестовых таблиц, схем; подготовка небольших рефератов, докладов и прочее.

Большие возможности для использования источников открываются при проведении уроков — лекций, семинаров, лабораторных и практических занятий, организации учебно-поисковой деятельности, посильных научных исследований. Так, на лабораторных и практических занятиях учащимся предлагаются следующие варианты работы с документами: разным группам учащихся проанализировать один и тот же документ с точки зрения представителей разных эпох, социальных слоёв и т.п., что способствует более глубокой интерпретации документа. Группа получает пакет из разных видов документов (мемуары, письма и т.п.), на основе которых делается предположение об исторической обстановке, проблемах, формулируются вопросы (моделирование по принципу реконструкции). При анализе документа одна группа учащихся может выступать в роли аналитиков, другая в качестве оппонентов, третья — в роли апологетов. При этом осуществляется самостоятельный подбор документов, библиографии, составление вопросов к той или иной теме; продумываются художественные ассоциации к документу (в виде иллюстраций, соотнесения с литературными произведениями или литературными героями и т.п.).

Одной из определяющих задач обучения истории является развитие у учащихся умений анализировать события прошлого и настоящего с привлечением источниковедческих знаний. Для ее решения используются различные организационные модели, позволяющие активизировать познавательную активность каждого ученика.

Модель «Обмен знаниями» предполагает самостоятельную познавательную деятельность учеников с использованием кооперировано-групповой формы учебной работы. Ученики осваивают такие умения, как извлечение и систематизация исторической информации на основе работы

с комплексом источников, самостоятельная реконструкция исторических событий и анализ исторических процессов и явлений, публичная презентация результатов познавательного поиска. При этом важно определить этапы работы: *инструктаж* — преподаватель выделяет несколько равнозначных проблем в рамках темы урока, при этом каждая группа учеников получает свою проблему, свой «пакет» источников информации и задание (алгоритм работы группы); *исследование* — ученики каждой группы изучают свой вопрос по источникам и готовятся к освещению проблемы для всей аудитории; *обмен знаниями* — группы выступают по очереди и знакомят всех с результатами своей работы.

Основной методической трудностью для педагога становится взаимодействие групп на этапе обмена знаниями: как привлечь внимание всех к ответу каждой группы? Для активизации внимания предлагаются разные варианты предварительных заданий: заполнение обобщающей или сравнительной таблицы; ведение записей; использование «рабочего листа»; «распаковка кластера», проблемный вопрос, ответить на который можно, только внимательно выслушав все группы.

Модели «Эксперты» и «Зигзаг» основаны на едином базовом принципе: члены малой учебной группы становятся экспертами в определенных вопросах изучаемой темы. Внутри групп каждый участник получает свой исторический источник, изучает предложенный материал, и после личной экспертизы участники по очереди знакомят группу с результатами своей работы. В группе все данные сравниваются, обобщаются, формулируются выводы (или выполняется иное задание преподавателя). Цель рабочей группы состоит в том, чтобы все её члены овладели темой в полном объеме.

Однако не каждый ученик способен самостоятельно разобраться в своём вопросе (или в своём документе). В таком случае предусматривается «Зигзаг»: на первом этапе участники, которым «поручены» одинаковые вопросы (или одинаковые документы), выходят из своих групп и образуют «экспертные» группы, в которые объединяются «эксперты» с одинаковым заданием и материалом. Участникам экспертных групп важно записать ту информацию, которую они должны будут сообщить своим учебным группам.

Затем «эксперты» возвращаются в свои первоначальные учебные группы, и начинается взаимный обмен информацией, на основе которого выполняется общее задание. Целесообразно предусмотреть на этом этапе письменное задание: цветовая разметка источника (подчеркивание смысловых единиц, например: фактов, мнений, причин, последствий и т.п.); формулирование выводов, которые можно сделать на основе источника; преобразование текста в схему, таблицу, логическую цепочку; выписки на основе заполнения разных бланков.

Использование исторических документов в обучении истории позволяет учителю развивать самостоятельность учащихся на уроке при изучении новых тем. Ученик сам учится получать необходимую информацию и анализировать её. Учитель с помощью указанных методик помогает ученику самому разобраться в мировоззренческих проблемах исторических событий, не «навязывает» ему общепринятые исторические стандарты, а помогает осмыслить изучаемый материал и прийти самостоятельно к необходимым выводам. Выводы, полученные в результате работы с историческим источником, становятся более убедительными, содействуют конкретизации исторического материала, созданию ярких образов и картин прошлого; значительно расширяется круг социальной информации, осваиваемой учащимися, и, что не менее важно, служат основой для развития познавательной активности обучающихся.

А.В.Дубровин
аспирант кафедры отечественной истории Адыгейского государственного университета

Прежде всего, мне хотелось бы поставить вопрос взаимосвязи исследовательской проблематики и источниковой базы, привлекаемой для ее разработки. Современное историческое знание представляет собой непрерывно развивающуюся систему, в которой постоянно происходит смена приоритетов изучаемой проблематики. Сегодня одной из наиболее актуальных исследовательских тем стала проблема человека в исторической реальности, обусловившая

появление новых направлений, в частности, таких как история ментальностей. При таком аспекте исследования главным становится стремление «вжиться» в изучаемую эпоху, проникнуться «духом времени», раскрыть смысл и направленность исторических процессов через восприятие конкретных людей, поняв их мысли, чувства, систему мировоззрения, логику мышления¹.

Имеющийся в историографии исследовательский опыт свидетельствует, что при решении непростых задач реконструкции ментальностей прошедших эпох, чаще других привлекаются источники личного происхождения (дневники, письма, мемуары, а также иного рода записи участников или очевидцев событий). Подобные источники отражают широчайший комплекс наблюдений, впечатлений, рассуждений о происшедших событиях и явлениях участником или свидетелем которых непосредственно был автор. При этом источники личного происхождения содержат множество мелких деталей, которые недоговариваются или искажаются в официальных документах или периодической печати, но, в целом, способны дополнить общую картину ценными свидетельствами.

Особую значимость источники личного происхождения приобретают при изучении трагичных событий прошлого, в первую очередь, войн, требующих от человека мобилизации всех жизненных ресурсов, особого образа мышления, психологической готовности к восприятию происходящих событий. Так, обращение к истории Кавказской войны наглядно показало, что напряженность военных действий поддерживалась не только военно-стратегической энергией, но и обстоятельствами, лежащими в сфере традиционных представлений, определявших структуру коллективного сознания как русских солдат и офицеров, так и горцев².

В связи с этим особый смысл приобретает обращение к воспоминаниям русских офицеров участников войны. В

¹ Гуревич А. Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. — М., 1989. — С.75-89 и др.

² См.: Шеуджен Э.А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Майкоп, 2009.

последние годы произошли существенные «сдвиги» в осознании значимости для общества публикации исторических источников. В историографической традиции с этими явлениями связывается стремление все большего числа людей обратиться именно к первоисточникам. Целенаправленно переиздаются работы, ставшие библиографической редкостью. В этом постоянно увеличивающемся массиве документов особое место занимают сборники воспоминаний участников Кавказской войны³.

Понятно, что оценки Кавказской войны, как центрального события северокавказской истории XIX в., в воспоминаниях коррелируют с эмоционально-ценностными характеристиками. Подобные источники позволяют — с одной стороны, более адекватно, без традиционной идеологизированности отобразить историческую реальность, а, — с другой, понять душевное состояние «людей войны», выявить уникальную специфику восприятия войны и своего противника, в большинстве случаев расходящуюся с официальной точкой зрения.

Однако при обращении к воспоминаниям необходимо учитывать, что насколько богаты источники личного происхождения, настолько они и «коварны». Главная их «опасность» заключается в чрезмерной субъективности источника, возникающая как вследствие бессознательного (специфика личностного отображения и воспроизведения исторической реальности), так и преднамеренного искажения описаний наблюдаемых фактов. В последнем случае это зависит от личных мотивов авторов, а также особенностей публикации источника (авторская или издательская редакция).

В основе проводимой мною негативной критики источников личного происхождения лежат идеи и исследовательский опыт, получивший развитие в рамках Научной школы Э.А. Шеуджен «Проблемы теории и методологии истории». На сайте этой школы размещены не только заслуживающие внимания тексты проведенных исследований, но и сборники

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. — Нальчик, 1999; Кавказская война: истоки и начало 1770-1820 годы. — СПб., 2002. Фадеев Р.А. Кавказская война. — М., 2003; Ольшевский М. Кавказ с 1841-1866 год. — СПб., 2003 и др.

документов, подготовленные в рамках исследовательских проектов, о чем уже говорила А.В.Шаханова.

При обращении к источникам личного происхождения было крайне важно уточнить мотивы их написания; время публикации (прижизненная, после смерти автора); кто был инициатором публикации (сам автор, его родственники, «случайные» люди или профессиональные историки, работающие с архивными фондами); особенности цензуры времени издания. В целом можно утверждать, что наиболее информативными источниками личного происхождения являются дневники и письма близким людям, которые писались авторами исключительно в личных целях.

Имеет значение и анализ биографических сведений об авторе: принадлежность к определенной социальной группе; род деятельности; степень участия в описанных событиях (непосредственный участник, очевидец, современник); уровень образования; возраст; личная заинтересованность; а также ряд иных сведений связанных с конкретными проблемами исследования (семейное положение, любимые занятия, степень творческой природы, экстраординарные поступки и т.п.)⁴.

Понятно, что центральное место занимает текстовый анализ содержания источника: совокупность информационного материала, выявление сходств, аналогий и противоречий как внутри текста, так и при его сравнении с другими аналогичными источниками (при этом важно учитывать, что противоречия являются не только следствием искажения информации, но и эволюции воззрений самого автора). На данном этапе возможно использование, наряду со специально-историческими методами — междисциплинарных. Так, контент-анализ позволяет посредством выявления количественных характеристик текста на уровне слов и словосочетаний сделать предположения об особенностях мышления и сознания автора текста — его намерениях, установках, желаниях, ценностных ориентациях⁵. Интересные

⁴ Шеуджен Э.А. Историография. Вопросы теории и методологии. Курс лекций. — Майкоп, 2005. С. 104-208.

⁵ Костюк В.В. Анализ документов и текстов. Режим доступа: http://www.ffsn.bsu.by/infocom/kostuk/document_analysis/program.html. и др.

результаты дает применение методик психоанализа. Например, выявление предвзятости посредством «заиклинности» на некоторых проблемах; эмоциональная окраска повествования; малозаметные бессознательные оговорки.

Таким образом, разносторонняя информационная насыщенность источников личного происхождения, в создании которых наиболее четко прослеживается специфика субъективного восприятия и отображения исторической реальности писавшими их людьми, делают данный вид источников наиболее важным при реконструкции истории ментальностей. Для минимизации влияния субъективных моментов, отраженных в источнике, необходимо произвести всестороннюю критику, используя при этом междисциплинарные методики анализа, чтобы исправить умышленные и случайные «отклонения памяти», сопоставив сомнительные утверждения авторов воспоминаний с другими историческими свидетельствами. И еще раз хотелось бы отметить, что использование источников личного происхождения должно вестись очень осторожно, с проведением всесторонней и глубокой критики.

Э.А. Потокова

**кандидат педагогических наук,
доцент кафедры психологии**

В предшествующем выступлении была отмечена значимость взаимосвязи истории и психологии при изучении проблем ментальностей. Действительно, одной из особенностей развития современной науки стало складывание исследовательских направлений на «стыке» наук. В этом смысле речь может идти об исторической психологии — области взаимодействия исторической и психологической наук. С середины XIX в. начинается этап научной реконструкции человеческого прошлого на основе достижений истории и психологии. Благодаря этому определяется «территория» исторической психологии, ее предмет и методы.

Особое значение для развития этого научного направления имели труды Зигмунда Фрейда, заложившие основу психоаналитического направления в исторической психологии. Учиты-

вая тематику «круглого стола» целесообразно остановиться на некоторых его идеях. Быть может они позволят ответить на вопрос поставленный в вступительном сообщении Э.А.Шеуджен: что побуждает *помнить, вспоминать или забывать определенные события исторического прошлого?*

Становление и развитие классического психоанализа было связано с осмыслением проблемы памяти. В психоанализе память — одна из функций психического аппарата, благодаря которой осуществляется сохранение и воспроизведение полученных человеком в процессе жизни впечатлений. И хотя непосредственно изучением природы и механизмов функционирования памяти З. Фрейд специально не занимался, тем не менее, данная проблематика входила в сферу его интересов, поскольку в его теории и практики основное внимание сосредоточивалось на рассмотрении механизма вытеснения воспоминаний, а также вопросов, связанных с забыванием, воспоминанием, неверным припоминанием.

В статье «О психическом механизме забывчивости» (1898) З. Фрейд предпринял попытку психологического объяснения распространенного явления — временного забывания отдельных событий и даже имен известных личностей. Поводом для исследования данного явления стал его личный опыт, когда обладая прекрасной памятью и способностью дословно воспроизводить раннее полученную из различных источников информацию, он, неожиданно для себя, столкнулся с тем, что, несмотря на все свои старания, никак не мог вспомнить фамилию известного ему итальянского художника Луки Синьорелли, хотя у него прекрасно сохранилось зрительное воспоминание о расписанных им фресках.

Попытка психологического объяснения такого странного забывания привела к тому, что он осуществил масштабное исследование, результаты которого нашли отражение в работе «Психопатология обыденной жизни»¹. В результате проведенного анализа он пришел к выводам, обращение к которым может углубить представления о многих модификациях исторической памяти. Во-первых, забывание не

¹ Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. — М., 1989.

является актом психического произвола, а совершается в рамках закономерного протекания психических процессов, которые поддаются научному объяснению; во-вторых, забывание и неверное припоминание — это психические акты, мотивированные вытеснением из сознания неприятных воспоминаний; в-третьих, за неспособностью вспомнить раннее известное стоит нежелание помнить об этом; в-четвертых, если возникает замещающее представление (неправильное припоминание), то оно выступает в качестве своеобразного компромисса, свидетельствующего о том, что намерение позабыть нечто «не увенчалось ни полным успехом, ни полным неуспехом»².

В работе «Психопатология обыденной жизни» З. Фрейду, проанализировавшему многочисленные примеры забывания, удалось установить, что одним из механизмов забывания является нарушение хода мысли силою внутреннего протеста, исходящего из чего-то вытесненного. Анализируя явления забывания, он обратил внимание на инфантильную амнезию, то есть утрату воспоминаний человека о первых годах своей жизни. В ранних воспоминаниях детства нередко сохраняются безразличные, второстепенные детали, в то время как важные впечатления того времени очень часто не оставляют в памяти взрослых никакого следа.

Изучение сновидений и невротических заболеваний показало, что в памяти человека может всплывать то, что считалось давно позабытым. Это делало забывание более таинственным феноменом, чем можно было представить. Поэтому, стремясь дать психоаналитическую разгадку забывания как такового, З. Фрейд обратился к анализу забывания того, что знаешь (забывание впечатлений и переживаний) и неисполнения чего-то (забывания намерений). В результате анализа этих видов забывания он пришел к мысли, что во всех случаях в основе забывания лежит связанный с неудовлетворением мотив — нежелание помнить.

Дальнейший анализ феномена памяти и забывания привел З. Фрейда к следующим выводам: склонность к забыванию неприятного имеет всеобщий характер, несмотря на то,

² Фрейд З. Психология бессознательного: сборник произведений. — М., 1989.

что не все имеют одинаковую способность к этому; многое забывается по причинам, лежащим в самом человеке; забывание чего-нибудь никогда не бывает случайным; забывание связано со стремлением человека к защите от представлений, способных вызвать у него ощущение неудовольствия; намерения забываются тогда, когда против них восстают «темные мотивы» (жадность, обида, пренебрежение к другим людям и т.д.); когда имеет место столкновение условного долга с внутренней оценкой, в которой человек не признается сам себе.

Заслугой З. Фрейда и его последователей в исследовании памяти явилось выявление роли положительных и отрицательных эмоций, мотивов и потребностей в механизме запоминания и забывания. Благодаря психоанализу были обнаружены и описаны многие интересные психологические механизмы подсознательного забывания, связанные с функционированием мотивации. Думаю, что эти идеи З. Фрейда с успехом могут быть использованы при изучении и объяснении многих исторических явлений, особенно при написании историко-биографических работ, создании психологических портретов исторических деятелей и, в целом, при объяснении процессов сохранения исторической памяти и причин ее приватизации.

А.К. Чеучева **доктор исторических наук,** **профессор кафедры всеобщей истории**

Когда речь идет об исторических источниках, как правило, недооценивается значимость устной традиции. В своем выступлении мне хотелось бы обратить внимание на исторический фольклор адыгов, в частности, на повествование за которым закрепилось название «Абадзэхэ къэбар» («Абадзехские известия»). Они сохранились для потомства благодаря продиктовавшему их 85-летнему Зачерий-хаджи Брантову, проживавшему в ауле Пшизов.

После революции, когда начали создавать музеи в Адыгейской области, он, по своей инициативе, поехал в Краснодар и подарил будущему музею предметы домашней утвари,

которыми издавна пользовались адыги: низкий круглый стол на трех ножках (анэ), стул, корыто, мешалку для помешивания каши, скалку для теста, просушку, пахталку, резец для теста, кровать, инструмент для обминки кожи, вилы и грабли, расщепленную планку для обработки кожи. Все эти экспонаты были изготовлены из дерева им самим. Сегодня они находятся в коллекции Национального музея Республики Адыгея.

Сказы про абадзехов, которые он знал и помнил, в 1924 г. под его диктовку были записаны на адыгейском языке на арабской графической основе, принятой в тот период. Рукопись эту, спустя много лет, передала в Адыгейский научно-исследовательский институт супруга Ибрагима Наврузова бывшего директора Адыгейского областного музея. Содержание рукописи, записанной арабской графикой, на современный письменный адыгейский язык на русской графической основе без литературной обработки, точно передал стилистику автора, переложил научный сотрудник института Абдулах Ахмедович Хатанов.

В сказаниях подробно рассказывается о жизни и деятельности древних абадзехов: о местах их проживания (приводятся названия местных гор и рек), об обычаях и языческих верованиях (как совершались моления, какие дары и жертвы приносили богам), культуре возделывания земли, о ремеслах и рукоделии, о народных обычаях (как устраивали поминки, какие игры использовали для закалки и укрепления здоровья). Все эти сведения представляют несомненный интерес для тех, кто занимался и занимается изучением истории адыгов.

Объем рукописи 117 машинописных страниц. Тематически она разделена на 37 глав, каждая из которых имеет соответствующее название. Источник разновременной, более того, в нем представлены разные жанры исторического фольклора адыгов. Как известно, в фольклоре адыгов выделяют три типа повествования: сказания (тхыдэ), предания (таурыхъ), вести, известия (къэбар, хъэбар). Сказания представляют повествования эпического характера о событиях далекого прошлого с элементами фантастики. Историчность данным произведениям придает то, что, как правило, события разворачиваются на земле адыгов и действующими

лицами являются люди, имена которых сохранились в истории. Характерной чертой сказания является вера рассказчика в достоверность повествования¹.

Примером служат циклы повествований о Хаткокошхо, о Айдемиркане, о Шеуджене, о Кайткоко Асланбече, о братьях Ечанок². В своем сообщении З.Брантов рассказывает о том, что в древности на адыгейской земле проживало немало людей очень высокого роста — великанов и нартов, обладавших необычайной силой. Следы их деятельности остались в виде величественных курганов, усеявших кавказскую землю. Наряду с этими великанами, среди адыгов жили и очень маленькие люди — испы. Их род оставил небольшие жилища из плоских камней (дольмены). До нашего времени они сохранились преимущественно в горах, начиная с верховьев Белой до верховьев Лабы.

В данном источнике присутствует и другой тип исторического фольклора — предания. Предания близки к сказаниям, но их отличительной чертой является отсутствие фантастики. Характерной чертой предания является передача событий и фактов прошедшего времени. Предание не развивается на протяжении длительного времени, а ограничивается небольшим временным отрезком³. Таким древним сказанием является первая глава, повествующая о корнях адыгов («Адыгэм ылъапсэр»). В ней рассказывается о прародителях адыгов — Кэтае-отце и Кутай-матери и их сыне Адыге. У Адыга было семеро сыновей: старшего звали Кумук, остальные соответственно — Кабертай, Карачай, Чемгуй, Абдзах (Абадзех), Бжедуг, Шапсуг.

Со временем каждый из них обзавелся семьей. Еще в древности эти семьи из кэтайской области переселились на постоянное жительство на Кавказ и постепенно заняли обширные пространства от Каспийского до Черного моря. Абадзехи местом для своего жительства избрали самую высокую гору Фишт, покрытую белоснежной шапкой снегов

¹ Брантэ З. Абадзэхэ къэбар/ Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. — С.1-3.

² Хут Ш.Х. Адыгское народное искусство слова. — Майкоп, 2003. — С.177-179.

³ Там же. — С.227-228.

летом и зимой. Также они расселились по берегам реки Мезмай. Так, в сказании объяснялось происхождение адыгских народов и его история в древности. Часть предания посвящена миграциям населения и связям с другими народами Востока⁴.

Герои преданий — обыкновенные люди, часто реально существовавшие. Одна из глав работы носит название «АбдзэхэлӀэу лыгъэ зыхэлгыгъэхэр» («Абадзехи прославившиеся своим мужеством»)⁵. Самым достойным абадзехом, по мнению рассказчика, был Тугуз Хакуринов. С 1850 г. в течение двенадцати лет он возглавлял войско абадзехов. Однажды, находясь в гостях в чемгуйском ауле Махош, он услышал отчаянные крики. На вопрос, что произошло, ему ответили, что находящиеся в бегах предатели напали на махошевских пахарей и угоняют их волов. Бросившись за грабителями он нагнал одного из них — Гура Гумова. В схватке, как и подобает герою, победил Тугуз и вернул крестьянам угнанный скот. Впоследствии Тугуз совершил еще немало подвигов: в 1877 г. он в должности командира сотни участвовал в Карской битве, был ранен и удостоен Золотого креста Св. Владимира.

Много преданий посвящено абадзехским крепостным и их борьбе со своими хозяевами⁶. Так, в отдельной главе повествуется история установления закона о положении крепостных крестьян⁷. В ней сообщается, что в 1840 г. к Бракию Даурову из далекой Убыхии приехал гость Мос Хозрегов с необычной просьбой. Ему нужен был ребенок ростом в пять-шесть вершков. У хозяина был крепостной крестьянин Бороков, занимавшийся выращиванием овец и пчеловодством и имевший семью и детей. Хозяин решил подарить гостю его дочку. Отослав крепостного, он отнял девочку у матери и отдал Хозрегову. Вернувшийся отец, узнав

⁴ Брантэ З. Указ. соч. — С.1-8.

⁵ Там же. — С.107-117.

⁶ Там же. См. Г.12.Абадзэхэ пщылӀ (Абадзехский крепостной крестьянин). — С.64-65

⁷ Там же. Г. 13. ПщылӀ хабзэ (Закон для крепостных крестьян. — С. 65-68.

о произошедшем, решил вернуть свою дочь: купив дочь у Шеваля Апишева, он обменял ее на своего ребенка, убив хозяина, поджег подворье и переселился с семьей в Стамбул.

После этого трагического случая люди, собравшись на сход, приняли «неписанный закон» о положении крепостных крестьян. Решено было, что владельцы не имеют право продавать или дарить одного из членов семьи в отрыве от остальных: в исключительных случаях речь могла идти только обо всей семье. Нажитое добро полностью принадлежало крестьянину, но половину собранного урожая полагалось отдавать хозяину. Когда мужчины отправлялись на войну, то не должно было иметь место никакое преимущество одного перед другим. Старикам, мужчинам и женщинам, полагалось оказывать всяческое уважение и почет. Так, по мнению рассказчика, хасэ справедливо решило этот щекотливый вопрос. В результате, все сословия стали жить в согласии по этому неписаному закону. Интересно, что рассказчик ссылается на лиц передавших ему данное предание: Аутлев Ислам, Дауров Хапат, Ашхамафов Мезеж.

Следующим типом повествования являются хабары (вести, известия) — динамичные повествования о подлинном или вполне возможном событии, повествующие, в отличие от преданий, о событиях и фактах настоящего или сравнительно недавнего прошлого⁸. Примером такого хабара является повествование «Как хакуринохабльские женщины и мужчины подрались между собой»⁹. В 1883 г. в Майкопском уезде насчитывалось 22 адыгейских аула. Уездный начальник Соколов обратился к жителям аула с просьбой, чтобы от каждого аула эфенди, председатели и по три представителя приехали к нему в Майкоп. Пригласили также трех офицеров, проживавших в этих аулах.

При встрече Соколов сообщил о необходимости адыгам служить солдатами в армии. Собравшимся это сообщение не понравилось, они сказали, что служить солдатами не могут. Соколов пригрозил, что арестует их и заставит принять предложение. Спорили трое суток, на четвертые адыги усту-

пили, поставили под документом свои подписи и разъехались по домам. Но жена Хусейна Коблева Пшаша узнав о случившемся упрекнула мужа, что, побоявшись расстрела он согласился пойти на солдатскую службу и тем самым повел себя недостойно, поэтому она не будет жить с ним.

Этим решением она поделилась с другими женщинами. Собравшись вместе они направились в правление и избili председателя Хаджебия Меретукова и служителей. Тугуз Хакуринов и Хусейн Коблев, вырвавшись из рук возмущенных женщин, сбежали в другие аулы. В течение пяти суток женщины удерживали в своих руках Хакуринохабльское правление. О произошедшем столкновении стало известно уездному начальству, для разрешения конфликта прибыл даже наместник Кавказа и Закавказья. Между ним и женщинами состоялась беседа, в ходе которой были урегулированы возникшие разногласия. После его отъезда мужчины и женщины помирились. По мнению рассказчика, драка между ними пошла на пользу всем адыгам, проживавшим на Кавказе: впоследствии адыгов перестали брать на солдатскую службу в царскую армию.

В выступлении представлено только несколько сюжетов нашедших отражение в «Абадзехских известиях». Несмотря на их сюжетное и жанровое разнообразие, их объединяет представление рассказчика (а так как произведение создавалось поколениями, то рассказчиков) о добре и зле, о чести и достоинстве, о долге и патриотизме. Симпатии автора, а значит и народа, на стороне людей труда, несущих ответственность перед своей семьей и своим народом. Важно подчеркнуть, что источник отражает различные этапы исторического прошлого не только абадзехов, но адыгов в целом. В этих сказаниях нашел отражение историзм мышления адыгов: фольклор давал возможность сохранить свое понимание прошлого, проанализировав события, извлечь уроки и передать их посредством устного рассказа потомкам.

⁸ Хут Ш.Х. Указ. соч. — С.253-254.

⁹ Брантэ З. Указ. соч. Гл.35. Хакурынэхъаблэ шгъузхэмрэ лгъыхэмрэ зарэзэзуаггъэхэр. — С.102-106.

Е.В. Будко

аспирантка кафедры всеобщей истории

В современном историческом знании особую значимость приобретают проблемы общественного сознания, в структуре которого центральное место занимает историческая память. Интеллектуальная интеграция осмысления памяти, получив мощный импульс ещё на рубеже XIX–XX вв., и в наши дни относится к числу тех феноменов интерес к которым неизменно растет. Несмотря на определенную неполноту, историческая память обладает удивительной особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события прошлого вплоть до превращения исторического знания в различные формы мировоззренческого восприятия опыта предыдущих поколений.

В контексте этих положений, представляется перспективным изучение исторической памяти казаков-некрасовцев, так как их судьба является великолепным подтверждением сложности, многогранности процессов, происходивших в исторической памяти народов. Сложная судьба выпала на долю казаков-некрасовцев — старообрядческой общины, покинувшей Россию в начале XVIII в. В результате обострившегося религиозного конфликта и поражения крестьянского восстания Кондратия Булавина на Дону в 1707–1709 гг., остатки повстанческих отрядов во главе с Игнатом Некрасовым вынуждены были уйти на Кубань.

Численность переселившихся с Дона на Кубань казаков историками оценивается по-разному. Один из первых историков казачества А.И. Ригельман указывает количество равное 8000 душ обоего пола¹. И. Некрасов был личностью незаурядной, когда он прибыл с отрядом «в славное Кубанское войско», его выбрали войсковым атаманом: «Некрасов с самого начала стал лидером небольшой казачьей республики. Задача, ставшая перед ней, требовала серьезного напряжения сил: следовало заложить основы такого устройства, которое исключило бы внутренние

¹ Рабчевская А.К. Вновь обретенная Родина: о казаках-некрасовцах. — Ставрополь. 1996. — С. 91.

конфликты, т.е. воплотить в жизнь хотя бы на маленьком клочке земли те идеи, во имя которых погибли тысячи повстанцев на Дону»².

Условия проживания некрасовцев в регионе обусловили складывание на Кубани первой социально-культурной общности — кубанских казаков (казаков-некрасовцев)³. Консолидирующую роль, обеспечивающую социокультурное и правовое пространство казаков-некрасовцев, безусловно, имели так называемые «заветы Игната»⁴. Связь понятия «некрасовцы» с процессом сокращения личности И. Некрасова, сыгравшей большую роль в судьбе казаков, проявилась в защите и сохранении казаками своей самобытности, формирование устойчивых поведенческих стереотипов.

По мере появления потомственных казаков, которые осознавали себя некрасовскими казаками, не только по факту места проживания, подданства, но и рождения, происходило «наращивание» их самоидентификации. Особую роль сыграли последователи так называемых «заветов Игната»⁵, создатели особого рода исторических преданий, в составе которых эти «заветы» представлены. Именно «заветы» обусловили в значительной степени этнокультурное своеобразие донских казаков именно как некрасовцев.

«Заветы» представляют собой комплекс социокультурных нормативов, соблюдением или нарушением которых некрасовцы объясняли многие события своей жизни. Следует отметить, что их содержание находилось в полном соответствии с религиозными воззрениями казаков, что обеспечивало «заветам» дополнительную «устойчивость». К числу «заветов» относились следующие: «царю не покоряться, до царя в Расею не возврататься»; чтобы «попов от Никона не принимали на службу»; «чтоб казак

² Смирнов И.В. Казаки-некрасовцы // Вопросы истории. 1988. №8. — С.100.

³ Сень Д.В. Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску // Липоване: история и культура русских — старообрядцев. 2009. №2. — С.22.

⁴ Там же. — С.23.

⁵ Тумилевич Ф. В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. — Ростов н/Д, 1961. — С.169-172.

на казака не работал»; «чтоб держались друг за дружку, без разрешения круга, атамана не уходили из станицы»; «чтобы молодые почитали старших»; «казаки должны любить жен, не обижать их»; чтобы «тайно помогали бедным, явно помогать должен круг»; «чтобы с турками не соединялись»; «чтобы салтан против нашей воли казаков на службу не брал»; «чтобы церкви не закрывались в Турции»⁶.

Конечно «заветов» сохранилось гораздо больше. Касались они почти всех вопросов жизни некрасовцев, включая аспекты семейно-брачных отношений, хозяйственных занятий, взаимоотношений с властями и окружающим населением. Казаков, преступавших эти строгие предписания, ждало суровое наказание — изгнание из общины или смерть. Преданиям, как и «заветам», отводилось немаловажное место в создании и закреплении в массовом сознании стереотипов, функционировавших как на личном, так и на групповом уровне. Как и «заветы Игната», исторические предания формировали и обосновывали образ врага, чужака («царизм»). Именно они выступали в глазах носителей культурной традиции не только как обоснованная реальность (пережитое), но и как часть наследия, созданного их предками (творение), подлежащего передаче следующим поколениям.

Создание и бытование исторических преданий и «заветов» было жизненно необходимым, следуя их нравственным нормативам, жили новые поколения казаков-некрасовцев. Факт следования старине означал сохранение «нормального» миропорядка. Историческая память казаков-некрасовцев явление в истории совершенно уникальное: в течение более чем 250 лет они смогли сохранить многие традиционные ценности донского казачества.

⁶ Цит. по: Сень Д.В. Войско Кубанское Игнатово Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. — конец 1920-х гг.). — Краснодар, 2001. — С. 86.

С.Р. Нагоева

студентка 4 курс исторического факультета

Когда мы слышим вокруг себя фразы: «семейные ценности», «обычай», «предания», «реликвии», то думаем, что это все не о нас, не о нашей семье, а о весьма отдаленном прошлом, во многом безвозвратно утраченном. Обращение к проблемам исторической памяти заставило задуматься над простым и в тоже время сложным вопросом, что мы молодые люди XXI века знаем об исторической памяти своей семьи? В этом смысле меня заинтересовало творческое задание, предложенное Э.А.Шеуджен. В век компьютерных технологий, СМИ, куда-то бесконечно спешащих людей, немногие задумываются над вопросами связанными с сохранением памяти семьи.

И только редкими тихими вечерами, перебирая старинные вещи, наконец, чувствуешь, что зажглась свеча семейной памяти и в твоём сознании возникают тени, казалось бы, давно забытого прошлого. Овладевая навыками источниковедческого анализа исторических источников, мы явно недостаточно внимания уделяем фотодокументам и возможности по этим «знакам» восстанавливать прошлое... Держа в руках старую, пожелтевшую от времени фотографию 30-х годов прошлого века, мой дедушка начинает рассказывать историю знакомую с детства, но по-прежнему волнующую: мой прадед по материнской линии происходил из зажиточной семьи, имевшей собственную сельскохозяйственную технику, но когда семья первой в округе купила трактор «Фордзон» и он въехал в аул Хачемзий, отец моего прапрадеда сказал удивившую всех фразу: «От него мы все пропадем!».

Слова оказались пророческими: коллективизация и раскулачивание вихрем налетели на деревни и села, разрушая и сметая тысячи людских судеб. В одночасье моя родня оказалась беднее бедной. Отца моего прадеда арестовали, вывезли в Краснодар, расстреляли и похоронили в общей могиле. Из-за разразившегося голода маленького ребенка его брата отдали в другую семью и его вырастили чужие люди. Дом был разобран по кирпичикам, но чудом уцелели настенные часы «Gustav Becker» (бабушкин отец купил их в год ее рождения в 1916 г.). Конечно, они давно не в рабочем

состоянии, но являются для нашей семьи «местом памяти», уже нескольким поколениям, напомиающим о трагических событиях происходивших в нашей семье.

А вот и другая фотография: на ней изображены мои родственники и пожилой человек по имени Роберт. Невольно возникают вопросы: откуда, в ауле Шовгенов Роберт и какое отношение он имеет к адыгской семье? К счастью моя бабушка помнит связанные с этой фотографией события. Задолго до Второй мировой войны в аул приехала немецкая семья беженцев (Шульц): мать и двое сыновей. Мать устроилась на работу к соседям моей прапрабабушки, а старший мальчик Роберт стал часто приходить в нашу семью. Через некоторое время вся семья переселилась в дом моих родных.

После смерти их матери двое мальчиков продолжали жить в нашем доме. Кстати, если имя старшего известно, то младшего брата всю жизнь называли Мальчик. Повидимому, это связано с адыгским обычаем сохранять за человеком данное ему прозвище. После войны оба мальчика покинули аул, но связь с нашей семьей не теряли, переписывались с аксакалами нашего рода. Последний раз Роберт приехал в аул, уже поселившись в Казахстане, в связи со смертью дяди моей бабушки Хусейна. О его смерти нам написала его жена, на этом связь оборвалась, так как детей у Роберта не было.

Обращение к старым фотографиям как встреча с давно ушедшими людьми, чувствуешь, что прошлое говорит с тобой. Можно много говорить и писать о толерантности, но, на мой взгляд, такая бесхитростная история, передаваемая из поколения к поколению, на «уровне жизненных обстоятельств» открывает многое в понимании сложнейшей проблемы индивидуальной исторической памяти.

И.И.Костина

студентка 4 курс исторического факультета

Продолжая размышление об исторической памяти семьи, хотелось бы отметить особое значение отдельных вещей, запечатлевших память о прошлом. С ними связаны бережно сохраняемые воспоминания о радостных и горестных

событиях в жизни прошлых поколений, в них сохраняется тепло родных людей. В нашей семье есть несколько таких вещей. Первая из них — старообрядческий нательный крестик. Сейчас он находится у моей бабушки, Анисии Ефимовны: ей он достался от отца, Тельнова Ефима Афанасьевича, т.е. моего прадедушки, получившего его при крещении от своих родителей. История этого крестика начинается в середине XIX века. Он был изготовлен во Владимирской губернии местным кузнецом по заказу моих родственников. Крест выполнен из меди в весьма оригинальной манере.

История крестика необычна: с ним в нашей семье связано несколько воспоминаний. Со дня крещения Ефим Афанасьевич никогда не снимал крестик: он всегда был с ним помогая, предавая силы: он пережил раскулачивание, ссылку в Омскую область, смерть старшей дочери. Однажды, как он был убежден, крестик спас ему жизнь. В 1942 году в станице зверствовали полицаи, которых боялись больше немцев. Прадедушку схватили, обвинив в укрывательстве красноармейца. До смерти оставались считанные минуты, но тут из-под рубахи выпал крестик.

Увидев старинный и необычный крест, полицаи удивились и стали прадеда расспрашивать: почему носит крестик, откуда взял, почему он так странно выглядит? Пока прадед рассказывал про свою святыню в станицу вошли войска Красной Армии. Полицаи разбежались кто куда. Это событие ещё больше укрепило в прадедушке веру в охранительную силу крестика. Практически до конца своих дней Ефим Афанасьевич не снимал свою священную реликвию, но в 1970 году случилась трагедия — прадед потерял свой крестик. Все попытки отыскать его не увенчались успехом. Прадедушка очень переживал и вскоре скончался на 89 году жизни.

На этом бы история и закончилась, если бы совсем недавно крестик не нашёлся и, самое удивительное, что это произошло в день рождения прадеда. Вот и не верь после этого в чудеса! Теперь крестик хранится у нас на самом почётном месте как ценная реликвия. Бабушка рассказывает о жизни своего отца всегда со слезами на глазах, да и мы не можем оставаться равнодушными.

В нашей семье по материнской линии передаются иконы Божьей матери и Николая Чудотворца. Иконы достались

в наследство от прабабушки Марии Фёдоровны. Иконой Божьей матери девушки в нашей семье благословляются на брак. После вступления в брак икона передаётся новобрачной. Сейчас эта икона принадлежит моей маме. Наступит день и эта святыня перейдёт ко мне, как к единственной дочери. Вторая небольшая по размерам икона Николая Чудотворца считается покровителем маминого рода. Обе иконы старинные: их история уходит корнями во вторую половину XIX века. В советское время их прятали в укромном месте, сейчас икона Николая Чудотворца стоит на самом видном месте и рядом хранится прадедушкин крестик. Икону же Божьей матери достают лишь по большим церковным праздникам.

В нашей семье все знают истории связанные с этими священными памятниками веры и прошлого. Мы храним и оберегаем их для следующих поколений: когда-нибудь и я передам эти необычные святыни своим детям, рассказав о них семейные придания.

Р.М. Шхачемуков **аспирант кафедры отечественной истории**

В данном сообщении хотелось бы обратить внимание на опыт публикации исторических источников в тематических сборниках. Принято считать, что наибольшую историческую ценность при реконструкции прошлого представляют архивные документы. Более того, в последние годы наблюдается массовый интерес к архивным источникам не только профессиональных историков, но и всех тех, кто интересуется проблемами истории.

Конечно, работа в архивах требует развитых навыков «выявления» необходимых первоисточников. В этом смысле удовлетворить массовый интерес к документам прошлого способна существующая практика публикации сборников документов на основе архивных материалов. Публикации такого рода делают более доступными материалы, хранящиеся в архивах, позволяют комплексно представить объём и характер сохранившихся свидетельств¹. В то же время,

¹ Данилевский И.Н. Источниковедение: теория, история, метод. — М. 2000. — С. 35; Медушевская О.М. Источниковедение: теория, история, метод. — М. 2000. — С. 40.

при работе с подобными изданиями важно разграничивать понятия «архивный документ» и «документ, вошедший в сборник», то есть уже введенный «в научный оборот». Если «архивный документ» сохраняется в первоизданном виде, то «вошедший в сборник» проходит через субъективный «отбор» составителя.

Понятно, что далеко не весь перечень архивных фондов попадает в подобные сборники: при этом теряется связь со всей коллекцией имеющихся архивных материалов, происходит их целенаправленное купирование. Отбор проходят наиболее «нужные» документы, отвечающие идеологическим установкам, существующим на момент издания сборников. Как правило, в сборники попадают лишь те материалы, которые «поддерживают» официальную концепцию, обусловленную не только научными, но и идеологическими подходами. Естественно при таком подходе, опираясь лишь на материалы сборников, трудно провести полноценное, всестороннее изучение проблемы.

И, тем не менее, сборники документов занимают немаловажное место в процессе развития исторического знания. Сборники, как правило, подразделяются на тематические и целевые. В частности, сборник, к которому хотелось бы обратиться, относится к тематическим, т.к. посвящен вопросам культурного строительства Адыгеи². По структуре и характеру вошедших документов, сборник относится к типичным изданиям советского времени. В него вошел значительный объём документов из фондов государственного архива Адыгейской автономной области, дающих достаточно полное представление о направленности и количественной составляющей процесса культурного строительства Адыгеи.

Сборник содержит извлечения из протоколов заседаний Адыгейского организационного бюро РКП(б), Президиума Адыгейского областного исполнительного комитета, областного отдела народного образования, коллегии подотдела просвещения национальных меньшинств по вопросам культурного строительства. Приводится большое количество ста-

² Культурное строительство Адыгеи (1922-1937 гг.). Сборник документов и материалов. Под ред. А.О. Хоретлева. — Майкоп, 1958.

тистического материала, отражающего школьное строительство (количество школ, учеников и учителей, динамика их развития: док. №№1, 2, 13 и др.), темпы строительства библиотек, изб-читален а также учреждений профессионального образования (док. №№25, 43, 47, 54, 57, 63, 96, 97 и др.). В совокупности, вошедшие в сборник документы, отражают процесс радикального преобразования культурной жизни области, дают важные количественные характеристики. Несмотря на то, что в сборнике приведено немало официальных отчетов и таблиц, в которых отражены результаты проделанной работы, содержание их сводится лишь к положительным результатам и фактически отсутствует информация о сложностях, которые имели место быть в ходе реализации программы культурного строительства.

Тем не менее, документы данного сборника позволяют проследить ряд новых явлений, характерных для «культурной революции» в национальных регионах страны: постановку вопросов связанных с положением женщин-горянок (№99), направленность проводимой агитационной работы и ликвидации политической безграмотности населения (№№52, 53), создание и дальнейшее развитие периодической печати, как на русском, так и на адыгейском языках (№№14, 87, 100, 109). В совокупности эти материалы дают возможность проследить процесс культурного строительства, понять цели и основные результаты проводимого советской властью курса.

Конечно, идеологическая направленность сборника ориентирует на односторонне положительное видение происходивших процессов. Практически не представляется возможным проследить трудности и ошибки, допущенные при осуществлении «революционизации» духовной жизни, увидеть место человека в этих противоречивых событиях. Во всём сборнике имеется лишь один документ, в котором представлен список граждан, пожертвовавших денежные средства на строительство школы в ауле (док. №22). Из всей массы имеющихся цифр не удастся выяснить главное — отношение людей к этим событиям, проследить их судьбы, оценить их отношение к нововведениям советской власти.

Это тем более важно, учитывая, что в истории все более возрастает роль человеческого фактора. Современная историческая концепция ориентированна на личностный под-

ход в изучении истории. В этом ракурсе изучение процесса культурного строительства Адыгеи потребует, наряду с материалами сборника, привлечения более широкого и разнопланового круга свидетельств.

Р.К. Ципинов

Начальник Управления по охране и использованию объектов культурного наследия Республики Адыгея

Сегодня, когда мы обсуждаем вопросы, связанные с исторической памятью народов, обращение только к письменным источникам представляется явно недостаточным. Наследие, оставленное тысячами поколений, живших до нас более разнообразно и значимо. Культура каждого народа является частью мировой культуры, включая в себя всё, что было создано умом и деятельностью людей. В течение столетий люди создавали памятники искусства и архитектуры, формировали традиции и обычаи, совершенствовали язык и письменность. И это далеко не полный перечень материальных и духовных приобретений человечества.

Задача, более того духовная миссия, каждого нового поколения, сохранить и приумножить культурные достижения предков. История охраны культурного наследия России насчитывает более трех веков — в этот период формировалось охранное законодательство, создавалась государственная охранительная система, вырабатывались основные методические принципы охраны памятников, складывалась отечественная реставрационная школа.

Культурное и природное наследие России активно вовлекаются в мировое культурное пространство. Наша страна является полноправным членом таких авторитетных международных организаций как Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Международный Совет музеев (ИКОМ), Международный Совет по вопросам памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС). Многие уникальные памятники России находятся под покровительством этих организаций.

Современные отечественные исследования разрабатывают новые методические подходы к охране культурного и

природного наследия, которые соответствуют международному уровню. Российское культурное наследие только тогда станет полноправной частью наследия мирового, когда российское общество осознает необходимость сохранения своего национального достояния, и в стране будет создано действенное охранное законодательство.

Государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является одной из приоритетных задач органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. В преамбуле Федерального закона от 25 июня 2002 года №73 — ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» указано, что объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) представляют собой уникальную ценность для всего многонационального народа Российской Федерации и являются неотъемлемой частью всемирного культурного наследия. В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия народов страны в интересах настоящего и будущего поколений многонационального народа России.

Последние десятилетия с его новыми экономическими и социально-политическими реалиями обострило ряд проблем в области охраны объектов старины, решение которых невозможно без учета опыта прошлых лет. Человечество еще никогда не заходило так далеко в риск утраты своего культурного наследия. К сожалению, в этом «авангарде» стран мира сегодня находится и Россия. Ее наследие всё более активно, вольно и невольно, уничтожается и расхищается, страдает от забвения и пренебрежения. Тем самым существенно сокращается её естественный и духовный капитал, резко сужаются возможности развертывания инновационных и научных видов деятельности в будущем, снижается потенциал устойчивого развития страны.

Одной из острых проблем стала приватизация памятников и формирование различных форм собственности на них. В связи с этим важнейшими вопросами сегодняшней политики в области сохранения памятников истории и культуры стали задачи регламентации прав собственников со стороны

государства, выработки оптимальных отношений сторон. В перспективе российской практики охраны наследия — сохранение уникальных территорий с комплексной регенерацией памятников истории и культуры, традиционных форм хозяйствования и природопользования.

К настоящему времени в мировой науке и в обществе в целом сформировалось представление о культурном наследии как приоритетной социальной ценности. Наследие все чаще рассматривается как одна из основ устойчивого развития общества, возрастает его роль как одного из векторов в региональной культурной политике. Высшим руководством страны неоднократно подчеркивалось значение уникального культурно-исторического наследия и необходимость вовлечения его в сферу туризма. В этом плане огромные возможности открываются для развития туристической отрасли в Адыгее

Республика Адыгея — один из живописнейших регионов нашей страны: недаром ее называют «Маленькой Швейцарией». Переходные сочетания лесостепных зон с предгорными и горными районами Северо-Западного Кавказа, плодородные почвы и полноводные ледниковые реки в течение тысяч лет обеспечивали идеальные возможности для самых разных типов хозяйственной деятельности. В связи с этим территория древней Адыгеи всегда манила и привлекала завоевателей, путешественников и ученых. Каждая эпоха в истории оставила свой отпечаток присутствия в виде немых свидетелей прошлого — памятников истории и культуры. Несмотря на небольшую территорию республики, здесь расположены памятники всех эпох человеческой деятельности, начиная от палеолита и заканчивая памятниками позднего средневековья.

Бытует мнение, что, по сравнению с другими видами памятников, существуют проблемы вовлечения памятников археологии в сферу туризма из-за того, что большую часть памятников археологии экспонировать затруднительно, и что они могут быть представлены лишь в виде археологических артефактов в музейных экспозициях. На первый взгляд с этим трудно не согласиться, но уникальность Адыгеи заключается в том, что наибольшее количество туристов привлекает муниципальное образование «Майкопский рай-

он», расположенное в предгорной и горной зоне и занимающее около 40% территории Адыгеи. Памятники археологии в данном районе представлены в виде городищ, дольменов, пещерных стоянок, гротов и навесов.

Для вовлечения этих памятников в сферу туризма в первую очередь необходимо разработать долгосрочную программу по сохранению объектов культурного наследия и предварительно провести научно-исследовательские работы на тех памятниках археологии, которые вызывают наибольший интерес у ученых и туристов. Долгосрочная программа по изучению, реставрации и использованию памятников археологии Республики Адыгея должна включать следующие направления исследований: — интенсивную археологическую разведку мест с максимальной концентрацией памятников; — ландшафтные исследования с использованием Географической Информационной Системы для анализа пространственных отношений между памятниками, поселениями их создателей и ресурсами; — создание компьютерной информационной базы данных по каждому объекту; — разработку методов реставрации и музеефикации объектов культурного наследия, в частности, памятников археологии.

Комплекс данных мероприятий позволит сохранить и использовать богатое историко-культурное наследие Республики Адыгея. Необходим взгляд на культурное наследие, как на особый экономический ресурс при реализации программы использования культурно-исторического наследия. Но никаких усилий органов государственной власти не хватит для сохранения культурного наследия, если эти усилия не будут поддерживаться населением. Активное участие в этом благородном деле — гражданский и конституционный долг каждого. Все мы должны стремиться к тому, чтобы охрана памятников истории и культуры стала составной частью государственной политики и предметом заботы всего населения. Только в таких условиях можно обеспечить сохранность памятников истории и культуры, их рациональное использование в интересах настоящих и будущих поколений.

МАСТЕР-КЛАСС

на тему «Формирование метапредметных компетенций учащихся на уроках истории (на примере организации работы с литературным произведением как историческим источником)»

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

С.А.Кузнецова

**учитель истории первой квалификационной категории
средней общеобразовательной школы №30
посёлка Мостовского Мостовского района**

Как хорошо известно, многие исторические события отражены с одной стороны в исторических документах, а с другой — в произведениях литературы. В практике работы важно уделять внимание развитию у учащихся навыков работы с литературным произведением как историческим источником. Задача учителя истории состоит в том, чтобы путем анализа литературного произведения, сопоставления его с историческими документами, сформировать у учеников целостное историческое мировоззрение

Максимально эффективное использование такого специфического источника исторических знаний, как произведения русской и мировой художественной литературы, помогают реализовать наиболее значимые для учителя методические цели: — усиление мотивации обучения; — фор-

мирование у учащихся навыков исследования и анализа литературного текста по аналогии с текстом исторического источника; — формирование личностного, эмоционального отношения учащихся к историческим событиям; — усиление социально-ценностной ориентации учащихся; — обеспечение межпредметных связей между курсами истории и литературы.

Для организации работы с литературными источниками используются следующие педагогические технологии.

Проблемное обучение. На уроках создаются различные проблемные ситуации, вызывающие у учащихся потребность к получению знаний. Например, урок по теме «Отечественная война 1812 года» начинается с ситуации неожиданности: вместо традиционной формулировки темы урока учащимся был показан фрагмент экранизации романа Л.Н.Толстого «Война и мир», что «подтолкнуло» к самостоятельной формулировке темы и целей урока. При изучении темы «Правление Анны Иоанновны» создается ситуация несоответствия, которая порождается противоречием между литературным произведением и историческим фактом. (Используется искажение биографических данных политического деятеля П.А. Волынского в романе И.И. Лажечникова «Ледяной дом»).

Наиболее ярко на учащихся воздействует *технология погружения* в историческую эпоху, когда они инсценируют отрывки из литературных произведений или дают оценку историческим событиям, представляя себя в роли литературных героев. (Урок-суд по теме «Отмена крепостного права в России»)

Информационно-компьютерные технологии позволяют включать в урок мультимедийные фрагменты экранизированных литературных произведений, проводить компьютерное тестирование, использовать обучающие программы, электронные учебники и Интернет-ресурсы.

Применение *технологии критического мышления* позволяет научить детей грамотно работать с литературными произведениями и историческими источниками; развивать навыки анализа; формировать умения определять, классифицировать, соотносить явления действительности: их сущность, причины, взаимосвязи, используя соответствующий научный аппарат.

Учащимся очень нравится, когда на уроке создается *игровая ситуация*, будь то викторины, заочные путешествия, КВНы, Брейн-ринги, разгадывание кроссвордов, составление синквейнов.

Используются и другие виды и формы работы с литературными произведениями: — пространная цитата описательного или повествовательного характера («живое» изображение исторических событий, исторических деятелей; описание обстановки, в которой разворачиваются события прошлого); — разбор литературного памятника методом комментированного чтения или методом развернутой беседы; — напоминание литературного образа ссылкой на знакомое учащимся литературное произведение; — определение исторического факта по отрывку из литературного произведения; — индивидуальная работа учащихся с текстом; — анализ литературного текста по схеме или по вопросам, предложенным учителем.

Использование художественной литературы на уроках истории в сочетании с применением современных педагогических технологий дает возможность наиболее эффективно решать следующие задачи исторического образования и воспитания: — погрузить учащихся в определённую историческую эпоху; — расширить знания учащихся об исторических событиях и личностях, анализируя их описания в художественной литературе; — более глубоко раскрыть смысл исторических терминов и понятий, с учетом временных изменений; — придать историческим знаниям большую эмоциональность и жизненную силу.

Прагматическая актуальность методики состоит в том, что систематическая работа с литературно-художественным текстом помогает учащимся эффективнее подготовиться и успешно сдать ЕГЭ (в части подготовки к выполнению заданий группы С), а также способствует формированию универсальных (метапредметных) компетенций учащихся, на что ориентированы действующие Государственные образовательные стандарты.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

сборников документов, подготовленных в рамках проекта «Историческая память народов Северного Кавказа»

Э.А.Шеуджен

**доктор исторических наук, профессор, руководитель про-
екта и научный редактор изданий**

Подготовка и публикация данных сборников извлечений обусловлена как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, сохраняющейся остротой вопроса связанного с политикой России на Северном Кавказе в исторической ретроспективе. Во-вторых, изменением статуса источниковедения, стремлением расширить источниковую базу исторических исследований.

В современном кавказоведении проблема исторических источников, как свидетельствует и состоявшееся обсуждение, является наиболее актуальной. Обусловлено это, прежде всего, тенденциями развития исторического знания, проявляющимися в поиске новых теоретико-методологических оснований исторической науки, процессами эволюции научной истории. Не менее значимым импульсом для подготовки данных сборников стало усиление исследовательского внимания к проблемам национальной истории этнических сообществ, не имевших в течение веков собственной письменной истории. Сегодня новая историографическая парадигма подрывает традиционное различие между тем, что представ-

лялось «главным» в российских исторических исследованиях (русская история) и тем, что считалось «периферийным» (история народов национальных окраин, инородцев). Создается реальная возможность преодолеть оппозицию между «историческими» и «неисторическими» народами.

Хорошо известно, что в пространственно-временную структуру всеобщей (мировой) истории вписаны далеко не все народы. Обусловлено это рядом обстоятельств. В первую очередь характером дошедших до нас источников, ролью, реальной или мнимой, народов на исторической сцене. В течение последних десятилетий мы являемся свидетелями этнической революции в историографии. «Национальные» историки стремятся взять реванш, хотят быть наконец-то услышанными. Однако «историографический бум» приобретает специфический характер: проблемы исторического прошлого, утрачивая гносеологический смысл, все чаще смещаются в сферу идеологии.

При таком подходе из исторического прошлого народов выборочно извлекаются и используются события и факты, в наибольшей степени способные «обновить» сложившиеся представления, стать основой «конструирования» новых «образов» прошлого. Слияние усиливающегося идеологического и научного дискурсов, неизбежно приводит к деформации процесса исторического познания, к жесткой ориентации исследовательской проблематики в «заданном» направлении.

К определяющим чертам историографического «перехода» можно отнести попытки любыми способами «очистить» свою историю от негативных явлений, что в принципе, с позиции усиливающегося национального самосознания, понятно, но требует не голословных, «мифологически» аргументированных обоснований, а серьезных методик работы с различными видами исторических источников.

При этом в историческом сознании все более закрепляется значимость любого письменного сообщения, отражающего наиболее «героические» события прошлого, позитивные факты, способные «повысить» уровень общественного развития своих народов. Настойчиво звучащие заявления о «любви к своей истории», в моральном плане объяснимы, но в исследовательском смысле такое чрезмерное обожание

приводит к крайнему субъективизму. Представление своего народа как избранного, мессианского, противопоставление его другим народам, влечет за собой негативные как исторические, так и историографические последствия.

Более того, в национальных историографиях все явственней проявляется отчуждение от русской истории. Внимание исследователей в значительной степени концентрируется на «разъединяющих» процессах: проблемах колонизации, колониальных войнах, русификации, депортации народов и других «обидях» прошлого и настоящего. В итоге культивируется «другая», перенасыщенная внутренним напряжением история, приобретающая образ тотальной, перманентной войны. Нередко при этом «забывается», что, несмотря на все трагические события в исторической жизни народов, люди продолжали жить, обрабатывать землю, растить детей, слагать песни...

В сложившейся историографической ситуации особый смысл приобретает проблема выявления, систематизации и публикации исторических источников. В условиях изменения статуса источниковедения все явственней проявляется ощущение стагнации сложившейся источниковой базы, все реже в научный оборот вводятся новые источники по разным причинам, как объективным, так и субъективным, оказавшиеся вне исследовательского внимания. Учитывая, что большинство народов северокавказского региона не имели письменной истории, методологическую значимость приобретает проблема реконструкции исторического прошлого по разрозненным свидетельствам, «уцелевшим островкам» памяти. В связи с этим возникает вопрос, поставленный еще И.Д. Ковальченко, что представляет собой источниковое наследие и насколько эффективно оно используется?¹

Документальная основа северокавказской истории представляет во многом типичную для молодых историографий конструкцию, складывающуюся из свидетельств устной памяти, фрагментарных сообщений «извне», документов, отложившихся в центральных и местных архивах, данных

¹ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история 1995. №1. — С.6.

археологических и этнографических исследований. Именно они являются не только знаком другого времени, но и знаком связи разных времен, дают представление, пусть даже в общих чертах, об истории северокавказских народов.

Интенсивность «исторического интереса» особенно возрастает в переломные периоды истории, отражая стремление «пересмотреть» сложившиеся представления в сторону их углубления за счет привлечения новых источников или нового прочтения уже известных. Не ограничиваясь историческими данными, полученными в наследство от своих предшественников, историки упорно пытаются выйти за пределы достигнутого, выявить и заставить «заговорить» новые источники.

Важно учитывать, что новое знание, зачастую, не только не опирается на систему сложившихся представлений, но и может в корне «подорвать» предшествующие представления, казалось бы, незыблемые научные утверждения. Благодаря этому нередко происходит полное или частичное отрицание накопленного исследовательского опыта. Данное обстоятельство определяет характер «наращивания» исторического, и, в целом, гуманитарного знания.

Отличительной чертой историографии, которую принято называть современной, стала ее способность сделать широко доступными подлинники документов, хранящихся в архивах и библиотеках. При этом в мировой науке продолжают дискутироваться вопросы — какие знания, являющиеся исторически значимыми, должны быть сохранены и переданы последующим поколениям, каковы оптимальные способы и технологии трансляции исторического опыта (в этом смысле историки, выполняя своеобразную социальную миссию, являются ответственными за «отбор» и «толкование» свидетельств, достойных быть увековеченными в массовом сознании).

В качестве основной задачи предопределившей составление данных тематических сборников извлечений, стала трансформация опубликованных в журналах материалов в исторический источник. Формулировка подобного подхода неоднозначна: немало исследователей склонны рассматривать журнальные публикации как исторический источник, независимо от степени их публичности. В этом смысле жур-

налы прошлых веков, хранящиеся в единичных, зачастую неполных комплектах, в архивах и библиотеках, трудно считать равнодоступными. В определенном смысле они являются потенциальным историческим источником или «предисточником»², «мертвым» реликтом, доступным лишь узкому кругу специалистов.

В то же время, благодаря письменной фиксации на страницах журналов, многие события приобрели статичность, избежали забвения и модификации под «напором» субъективных обстоятельств. Журнальные публикации, учитывая критерии, применяемые к документальным системам, достаточно четко фиксируют время, когда конкретные проблемы сохраняли значимость, выполняя основную функцию, ради которой они были созданы. Учитывая это, подобные публикации являются источником оперативной и ретроспективной информации: так, если в момент публикации преобладала оперативная направленность, то с учетом временной дистанции все более возрастал потенциал ретроспективной информации.

При составлении сборников извлечений проделан лишь первый этап источниковедческого исследования: выявлены тематически ориентированные публикации, проведена их систематизация на основе хронологического подхода, разработаны комментарии. Конечно на данном этапе характеристика, содержание имеющейся информации остаются скрытыми и могут стать достоянием исторической науки лишь на уровне индивидуальной источниковедческой деятельности историка, обратившегося к анализу представленных материалов.

Трудности связаны и с тем, что статьи писались людьми другой культуры, других религиозных убеждений, с разными целями. Хорошо известно, что подобные источники требуют особого отношения, развитых источниковедческих знаний, высокого уровня критического анализа, четких, отработанных методик. Результаты творческих усилий историка напрямую зависят от его способности, оставаясь

² Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. — М., 1969. — С.7-58.

человеком «своего» времени, в то же время органично «вписываться» в изучаемое, нередко весьма отдаленное, время.

При работе с журнальными публикациями в обязательном порядке необходимо учитывается своеобразие исторического пути народов, то обстоятельство, что в каждой системе ценностей имеются свои критерии, различающие явления существенные и несущественные. Более того, понятие существенного в истории постоянно меняется, и, по мере развития, идет как бы «естественный отбор» исторически значимых событий. Подобный подход еще более проявляет условность при обращении к истории народов, входящих в Россию на политико-административном уровне, а в этнокультурном плане ориентированных на ареалы «мусульманского мира». Эта модель общественного развития, кардинально меняющая наши представления о многих событиях прошлого и настоящего, нуждается в специальном осмыслении. Решить эту задачу возможно только на основе исследования всего корпуса накопленных источников без «границ» и идеологических «табу».

По мере развития исторического знания удалось достигнуть такого понимания прошлого, которое нельзя свести к тому, что буквально говорится о прошлом в источниках. Интенсивность «исторического интереса» особенно возрастает в переломные периоды истории, отражая стремление «пересмотреть» сложившиеся представления в сторону их углубления за счет привлечения новых источников или нового прочтения уже известных.

Не ограничиваясь историческими данными, полученными в наследство от своих предшественников, историки упорно пытаются выйти за пределы достигнутого, выявить и заставить «заговорить» новые источники, извлеченные с полок архивов и библиотек. При этом нередко происходит полное или частичное отрицание накопленного исторического опыта. Данное обстоятельство определяет характер «наращивания» исторического, и, в целом, гуманитарного знания. История развивается по своим законам. Взгляд на отдельные исторические события, их оценку меняет время, то, не правомерно возвеличивая их значение, то, погружая в забвение. Важно учитывать, что новое знание, зачастую, не только не опирается на систему сложившихся представ-

лений, но и в корне «подрывает» предшествующие наработки, казалось бы, незыблемые научные положения.

Именно стремлением расширить источниковую базу современных исследований обусловлена подготовка и публикация представляемых вашему вниманию тематически ориентированных сборников извлечений из *«Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостей» (1873-1917 гг.)* и *литературно-политического журнала «Вестник Европы» (1802-1918 гг.)*

Н.А. Почешхов

доктор исторических наук, профессор, научный редактор сборника «Мусульманские народы Северо-Западного Кавказа. Извлечения из «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостей (1873-1917 гг.)».
— Майкоп: Изд-во АГУ, 2009. — 460 с.

Во второй половине XIX века, решая проблему вхождения автохтонных народов Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, немаловажное значение придавалось усилению влияния православия. Освоение новых пространств потребовало от власти формирования особых механизмов интеграции, способствующих установлению форм общения, способных превратить «чужих» в «своих»¹.

В новых условиях российское правительство стремилось использовать все возможности для укрепления своего положения в регионе, в том числе и путем расширения «территории христианизации», сферы влияния православных миссионеров. Знаковым событием в упрочении положения православной церкви на Северном Кавказе стало создание Кавказской епархии (16 января 1843 г.) с центром в Ставрополе. Вопрос об организации церковного журнала возник в Ставропольской губернии ещё в 1868 г. История его появления связана с Кавказской духовной семинарией. Однако начать выпуск журнала долго не удавалось, не хватало преподавателей, способных быть сотрудниками. В 1870 г.

¹ Соловьев С. Сочинения. — М., 1998. Кн. XXII. — С. 128–130.

вопрос о «Ведомостях» поднимался на епархиальном съезде, участники которого просили, учитывая общее желание духовенства, принять меры для скорейшего издания журнала. Первым редактором «Кавказских епархиальных ведомостей» стал смотритель Кавказской духовной семинарии, коллежский советник, магистр богословия, Григорий Петрович Михайловский. Он был не только редактором журнала, но и автором большого числа интереснейших публикаций.

В ноябре 1872 г. Г. П. Михайловский официально приступил к исполнению обязанностей редактора. «Кавказские епархиальные ведомости» являлись периодическим печатным органом религиозно-церковного содержания Ставропольской епархии, издававшимся с 1873 по 1886 гг. После разделения Кавказской епархии в 1885 г. на Ставропольскую, Екатеринодарскую, Владикавказскую и Сухумскую, он стал называться «Ставропольские епархиальные ведомости» (1886 — 1917 гг.).

Каждый номер состоял из официальной и неофициальной частей. В официальную часть входили высочайшие повеления, определения Святейшего Синода, распоряжения епархиального начальства. Неофициальная часть включала теоретические статьи по религиозным вопросам, поучения, речи священнослужителей по темам, соответствующим датам православного церковного календаря, исторические сведения о православных храмах и христианстве на Кавказе, отчёты учебных заведений и хронику учительской практики.

Редакция смогла привлечь к литературной деятельности многих представителей епархиального духовенства. Наиболее интересным и плодотворным автором «Ведомостей» совершенно определённо можно назвать Дмитрия Ивановича Успенского. Ключарь Ставропольского Казанского кафедрального собора, он был членом Русского географического общества и сотрудничал с журналом на протяжении восемнадцати лет.

В редакции собирались материалы, присланные священниками. Большая часть их принадлежала к роду проповедей. Редакция же нуждалась в получении материалов «о состоянии приходов в религиозно-нравственном отношении, о предрассудках и суевериях народных, о замечательных случаях в пастырской практике и особенно обстоятельные

сведения о местных инородцах-нехристианах, раскольниках и сектантах».

Значительное внимание «Ведомости» уделяли освещению миссионерства на Кавказе. В 1873 г. в Ставрополе было учреждено братство во имя святого апостола Андрея Первозванного. Миссионерская деятельность Андреевского братства сразу же нашла отражение на страницах журнала. Отчёты о состоянии дел этого общества ежегодно публиковались.

Много места на страницах журнала занимали материалы о благотворительности. Со времени учреждения братства Святого Владимира (1888) постоянно публиковались материалы о деятельности этой благотворительной организации, которую можно считать основательницей системы социальной защиты населения на Ставрополье. «Ведомости» рассказывали о пожертвованиях в пользу страждущих от голода, о помощи потерпевшим кораблекрушения и т.п.

В данный тематический сборник извлечений вошли лишь статьи и документы (425 материалов) прямо или косвенно связанные с мусульманскими (магометанскими) народами Северного Кавказа: официальные документы органов государственной и церковной власти; обзоры поездок местных властей и правящих архиереев; отчеты о деятельности общества восстановления православного христианства на Кавказе; отчеты о миссионерской деятельности среди горцев-магометан, описания историко-археологических исследований.

В основе организации вошедшего в сборник материала лежит хронологический принцип. Условно все выявленные материалы разделены на три периода: *первый* (1873-1885) — с начала издания и до изменения названия журнала; *второй* (1886-1900) — до конца XIX в.; *третий* — с начала XX в. до прекращения издания в связи с революционными событиями в России (1917).

При составлении сборника были использованы журнальные фонды Российской государственной библиотеки, Москва (1873-1877, 1880); отдела редкой книги библиотеки им. Ю.М. Лермонтова, Ставрополь (1886-1899, 1902-1903, 1905-1917), Государственного архива Краснодарского края, Краснодар (1878-1879, 1881-1885); отдела редкой книги би-

блиотеки им. А.С. Пушкина, Краснодар (1900-1901, 1904). В связи с этим хотелось бы выразить глубокую благодарность сотрудникам названных библиотек и архива, сохранившим номера журнала и предоставившим возможность обратиться к данным редким изданиям. Хотелось бы отметить особые усилия, приложенные аспирантом кафедры отечественной истории Р. Остапенко, при подготовке текстов к публикации. Сборник рассчитан на специалистов и широкие слои читателей, интересующихся проблемами северокавказской истории

Р.А. Тлепцок

кандидат исторических наук, доцент, автор введения и комментариев сборника «Процесс инкорпорации Кавказа в Российскую империю.

Извлечения из «Вестника Европы» (1802-1918 гг.). — М.: Изд-во социально-гуманитарного знания, 2010. — 680 с.

Ярким явлением среди российских журналов XIX в., безусловно, стоит признать «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Н.М. Карамзиным, ставший первым русским «толстым» журналом европейской литературы, политики, философии и культуры, своеобразным «мостом» между русской читающей публикой и просвещенной Европой.

В представляемый вам тематический сборник извлечений вошли статьи и документы, прямо или косвенно связанные с народами Кавказа. Для российской читающей публики исторических реалий начала XIX в., Кавказ уже не был каким-то далеким и сказочным Востоком, но все еще оставался в значительной степени «*terra incognita*». **Формирование** представления о нравах и быте Кавказа происходило на основе знакомства с путевыми заметками путешественников, эпистолярными источниками и данными, публикуемыми в иностранных журналах.

Уже в 1803 г. на страницах журнала начинают публиковаться письма с Кавказа иностранцев, в дальнейшем отечественных путешественников. Так, на его страницах публикуется материал о черкешенках: небольшая статья характерна наличием стереотипности представлений о Кав-

казе, переносе западных представлений о Востоке, месте и роли женщины в обществе. Авторы, в духе сказок «тысячи и одной ночи», указывают на наличие гаремов у черкесов, праздность черкешенок, что противоречит многочисленным европейским же историческим свидетельствам о Кавказе.

Не удивительно, что Кавказ, являясь одним из важнейших геополитических регионов России, подвергся первым попыткам изучения, понимания «чужого», но столь необходимого края. Свидетельством устойчивого исследовательского интереса к Кавказу явилась и серия публикаций, в которых авторы пытались донести до российского читателя культурную, лингвистическую, ментальную специфику региона¹.

Возобновление издания «Вестника Европы» в 60-е гг. XIX в. совпало с окончанием Кавказской войны и необходимостью инкорпорации региона в политическую и социально-экономическую структуру Российской империи. Отражением этой тенденции стало появление ряда публикаций в журнале, наиболее фундаментальными из которых стали исследования Е.П. Ковалевского и П.Пржецлавского².

Обращаясь к фрагментам истории черкесов, Е.П. Ковалевский ставит под сомнение многие положения, содержащиеся в «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмова, аргументируя в числе прочего и тем, что «...трудно допустить, чтобы в устных преданиях народа могло сохраниться происшествие с такой подробностью и ясностью, в течение такого долгого времени (с IV до XIX столетия)»³.

¹ Воспитание у Черкесов // Вестник Европы. 1823. Ч.130. №10; О нынешнем состоянии земель Кавказских // Вестник Европы. 1826 г. Ч.150. №18; Адриан Бальби. О языках страны Кавказской // Вестник Европы. 1828. Ч.159. №7; Добродеев И. Байрам Черкесский // Вестник Европы. 1828. Ч.161. №15 и др.

² Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. Статья I. // Вестник Европы. 1867. Т.3. 9/21 сентября. — С.75-140; Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. №3, том III, отд. 1. — С.141-192; Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (Ч.2) // Вестник Европы. 1867. т.4. 9\21 декабря. — С.1-29.

³ Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (Ч.2) // Вестник Европы. 1867. Т.4. 9\21 декабря. — С.21.

В соответствии с устоявшейся официальной историографической традицией он приходит к выводу о том, что черкесы и абхазы «...представляют в истории народов необыкновенное явление». Причину этого своеобразия автор видел в ставшем «модным» с «эпохи Просвещения» географическом детерминизме, который заключался «в особом топографическом положении страны, занимаемой этими народами с древнейших времен... и в особенных типических их свойствах. Их ограждали, с одной стороны, непроходимые ущелья, покрытые девственным лесом северо-западного Кавказского хребта, а с другой — море»⁴.

С «Вестником Европы» связано и обращение к кавказской проблематике С.М. Соловьева, который опубликовал в 1868 г. работу «Петр Великий на Каспийском море»⁵. Самой важной акцией в восточной политике Петра Великого, по его мнению, был Каспийский поход 1722 — 1723 гг. Его осуществление коснулось судеб народов Кавказа и Закавказья и оставило заметный след, как в их истории, так и в истории России.

В течение последней трети XIX в. в журнале стали интенсивно публиковаться путевые заметки, дневниковые записи путешественников побывавших на Кавказе. Работы отличает наличие материалов о культурных традициях народов, топографии региона, его природных особенностях. Авторы, описывая условия социально-экономического быта горцев, особое внимание уделили системе норм обычного, уголовного и семейного права. В частности, М.М. Ковалевским была предпринята попытка не только выявления принципов функционирования правовых механизмов у различных этнических групп региона, но и сделан достаточно успешный сопоставительный анализ. Не случайно многие положения его исследования «Закон и обычай на Кавказе» (1887)⁶ и по сей день востребованы в отечественном кавказоведении.

⁴ Ковалевский Е.П. Очерки этнографии Кавказа. (Ч.2). — С.28-29.

⁵ Соловьев С. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. 1868. Кн.3. Март 1\13. — С.163-202.

⁶ Ковалевский М.М. Закон и обычаи на Кавказе. — М., 1887.

ОБЩИЕ ИТОГИ ОБСУЖДЕНИЯ

На рубеже веков в журнале появляются путевые записки⁷ о поездке через Кавказские горы в Баку Б. Брандта. Отдавая должное красоте и величию Кавказских гор он задается актуальным и поныне вопросом: «что сделали бы швейцарцы и австрийцы, если бы они были хозяевами этих чудных гор?» и сам же отвечает: «...сколько бы гостиниц было здесь настроено на этом громадном пути, сколько было бы проведено разных дорог во всевозможные стороны от главной линии, какая масса экипажей и omnibusов двигалась бы здесь по всевозможным направлениям, какая жизнь кипела бы кругом и какая масса народа снискивала бы себе средства к жизни от всего этого движения!»⁸.

При составлении сборника были использованы фонды Российской государственной библиотеки. В основе организации вошедшего в сборник материала лежит хронологический принцип. Условно все выявленные материалы разделены на две части: первая охватывает период 1802-1830 гг. — с начала издания журнала и до его первого закрытия; вторая — 1866-1918 гг. — с момента возобновления издания до прекращения издания в связи с революционными событиями в России (1917 г.).

В заключение хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что в рамках краткого выступления невозможно осветить все многообразие материалов опубликованных на страницах «Вестника Европы». Предпринятый обзор лишь намечает основные направления при изучении коллекции материалов. Хотелось бы надеяться, что вы найдете возможности для их введения в научный оборот и учебный процесс.

⁷ Брандт Б. Из поездки в Баку // Вестник Европы. 1900. №9. — С.281-300.

⁸ Там же. — С.283.

● В наше время, когда в стране происходят кардинальные изменения в системе исторического знания и школьного образования, традиционное проведение научно-практических семинаров для учителей истории имеет важное теоретико-методологическое и практическое значение. Свободный обмен научно-теоретическими знаниями и опытом практической работы расширяет представления об основных тенденциях развития историографии и возможностях использования новейших идей в научной и учебной работе.

● Вынесенная на обсуждение тема отражает взаимодействие таких базовых проблем исторического познания как исторический источник и историческая память, интерес к которым приобретает все более выраженный характер: ни у кого не вызывает сомнения, что историография является сферой памяти, а в свою очередь память служит «краеугольным камнем» познания исторического прошлого. Сегодня проблемы, как источниковедения, так и памяти приобретают междисциплинарный характер: к ним обращаются философы, психологи, историки, социологи, лингвисты, стремясь не только определить предметные границы своего научного интереса, но и области взаимопроникновения.

● За время развития исторического знания накопилась огромная масса источников: различных по типу, объему, проблематике, содержанию, стилистике. Историку при работе с источниками важно учитывать, что интерпретация прошлого всегда несет с собой определенный риск, все явственней приходит понимание того, как важно владеть принципами и методами научной критики источников вводимых в научный оборот.

● Изучение и сохранение исторической памяти не только одна из сложнейших интеллектуальных проблем, но гражданский и конституционный долг каждого гражданина страны, важнейшая составная часть государственной политики. Только в таких условиях можно обеспечить сохранность памятников истории и культуры, их рациональное использование в интересах настоящих и будущих поколений.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Программа научно-практического семинара	3
II. Круглый стол: тексты выступлений	
Почешхов Н.А.	5
Шаханова А.В.	7
Шеуджен Э.А.	9
Булгаков С.Ю.	19
Хабиева Ж.М.	23
Дубровин А.В.	29
Потокова Э.А.	33
Чеучева А.К.	36
Будко Е.В.	42
Нагоева С.Р.	45
Костина И.И.	46
Шхачемуков Р.М.	48
Ципинов Р.К.	51
III. Мастер-класс на тему «Формирование метапредметных компетенций учащихся на уроках истории (на примере организации работы с литературным произведением как историческим источником)»	
Кузнецова С.А.	55
IV. Презентация сборников документов, подготовленных в рамках проекта «Историческая память народов Северного Кавказа». Руководитель проекта и научный редактор изданий доктор исторических наук, профессор Э.А.Шеуджен	
Шеуджен Э.А.	58
Почешхов Н.А.	64
Тлепцок Р.А.	67
V. Общие итоги обсуждения	71

Подписано в печать 26.05.2011. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл. печ.л. 4,5.
Тираж 100 экз. Заказ №30.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Солодовников А.Н.